

В. ФИЛАТОВ

**Р
О
Д
Н
И
К
И**

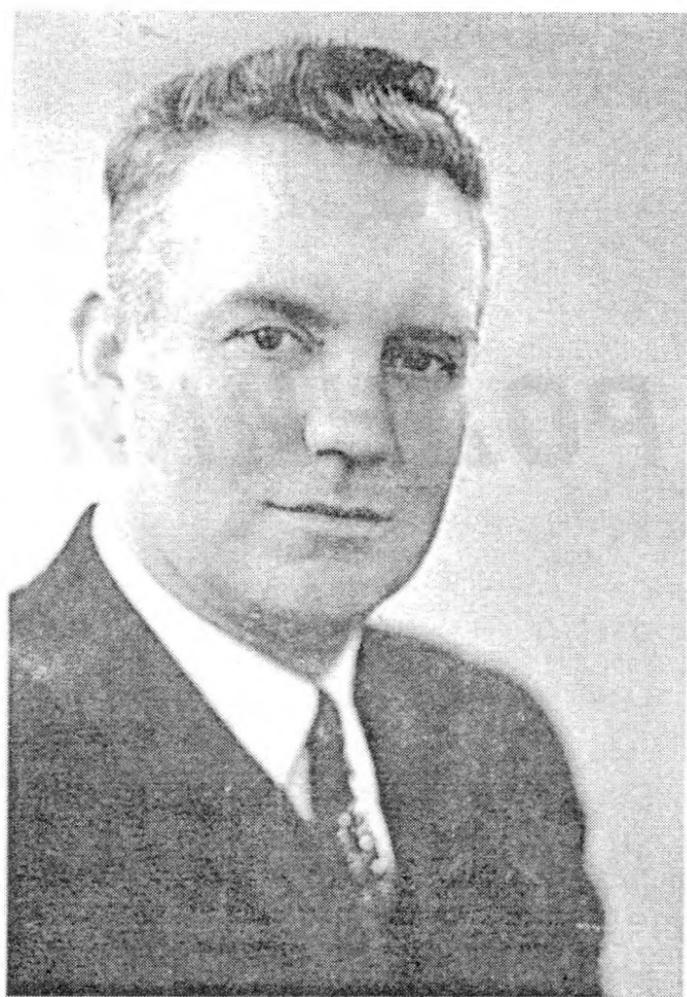

Василий Филатов

РОДНИКИ

Бузулук
2001 г.

НАЙТИ ТРОПИНКУ К РОДНИКАМ

В поэзии, которой веришь, дыхание стихов всегда гармонично сливается с дыханием жизни, родной земли, с дыханием души творящей! И тогда поэтические строки естественны. Они легко ложатся на душу, не раздражают, не заглушают чувства.

Таковы стихи бузулукского поэта Василия Филатова, автора двух ранее изданных поэтических сборников — «Россия полевая» и «Зори над Самарой». Теперь выходит новая книга стихов — «Родники». В час добрый!

Стихи Филатова рождаются под воздействием поразившего его явления природы или душевного переживания и выражают собой живое, непосредственное чувство любви к природе, родному краю, к людям, живущим на бузулукской земле. Жесткая правда в его стихах органично переплетается с живым юмором, иронией, долей сарказма и, одновременно, с доброй улыбкой, оптимизмом, верой в будущее.

Бузулукская земля — родник души поэта, чистый источник, питающий и вдохновляющий его поэтическое творчество. Поэзия В. Н. Филатова востребована и искренне почитаема бузулукским читателем, как и его проза.

Сборник стихов и прозы «Родники» посвящается юбилею — 265-летию города Бузулука, города с яркой исторической судьбой, бережно хранимой бузулучанами и с любовью воспетой местными поэтами, среди которых значимое имя Василия Филатова.

Автор выражает сердечную признательность трудовому коллективу Бузулукского элеватора и его директору Николаю Григорьевичу Селину за спонсорскую помощь.

Татьяна ГОРОДЕЦКАЯ.

*Дарите доброты цветы,
Храните юности мечты,
Вишнево-яблоневый цвет,
В росе сиреневый рассвет.
Любите Бузулукский бор
И краски бузулукских зорь.
Растите нежности цветы!..
Наш город любим я и ты!*

БУЗУЛУКСКИЙ БОР (поэма)

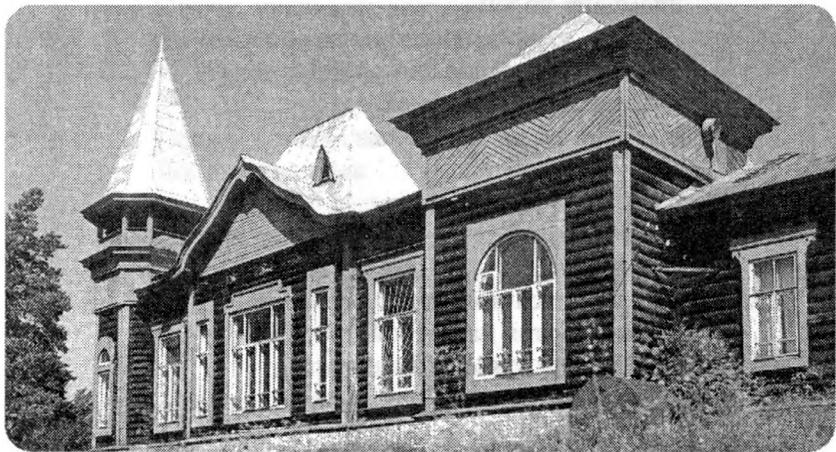
I

По лесам, полям и сенокосам
С книжкой записною я бродил,
Восхищался белою березой,
Что Сергей Есенин так любил.
Я в бору, где слышен каждый шорох.
Под ногами мох, что твой палас.
Как ты мил, как сердцу люб и дорог!..
Как сказать все это без прикрас?!
— Здравствуй, бор!
Волшебник, друг сердечный!..
— Всем — добро! — в ответ проговорит,
Хвоей лап обнимает человечно
И кольцом зеленым одарит...
Две косули, словно балерины,
Выскочили, выпрыгнули — топ!..
Ляжешь в травы на ковер-перину,
А сова глазищами хлоп-хлоп...
Белый гриб под шапкою мохнатой
Мне — лукаво:
— Знай бери, не трись!..
Я гляжу немного виновато:
Так все это есть родная Русь?!
Кланялись мне в пояс сосны, ели
И стихи слагали в вышине.
Старые о прошлом мне «скрипели»,
Молодые пели о весне.
Край родной! Как мало тебя знаем!..
Как в долгу перед своей землей.

Припадать к студеным родникам.
А в низинах — воздух бело-синий,
А в долинах —
 голубой туман.
В капельках росы —
 моя Россия!
Это явь — не сказочный обман.
От росы холодной
 стынут травы,
Стынут травы,
 плачут в наготе.
Солнце подогреет
 воздух «пьяный» —
Заискрятся в дивной красоте!
Я боюсь цветы топтать ногами.
Где цветов такое
 море есть?
И за это, видно, мне рогами
Покачал сохатый —
 отдал честь.
И кукушка, словно бы
 в награду,
К сорока — еще мне
 сорок пять...
Жить в бору
 до сотни лет и надо!
Тут никто не должен умирать.
Знаменит полей
 просторных колос —
Оренбуржья колос знаменит!
И зеленый изумрудный пояс
На груди полей его лежит.

III

Слышишь?
Эхо вторится лесами,
Песни льются на родной простор.
Юности студенческой
 отряды

Прославляют Бузулукский бор.
Молодой, веселый, бородастый
Трудится студенческий отряд.
Рядом с «бородастыми» — девчата,
Как березки на ветру звенят.
У костра вечернею порою
Слышится гитары перебор.
Слушает, качает головою
Удивленный, благодарный бор.
Здесь встречать рассветы
и закаты
И стихами говорить с Луной.
Зори рифмы принесут крылаты,
Пропоют с Боровкою-рекой.
Мальчика, что бегал
росным летом,
Песни бора слушал
в тишине,
Звали тут к космическим
высотам
Звезды, что сияли в вышине.
Чудный бор!
Ты, лекарь рукотворный,
Созданный природой
для любви.
Разреши за труд твой
благородный
Поклониться низко
до земли!
По душе «зеленая аптека».
Едут в бор лечиться
стар и млад.
Отдаешь для пользы человека
Свой бесценный,
свой чудесный клад!
Бор пленяет всякою порою,
Видно, этим он и знаменит.
Ослепляет, царствует зимою,
Летом песней юности звенит.
Встретит соболиными снегами

РОССИЯ ПОЛЕВАЯ

Хороша Россия полевая,
Краше и раздольней нет полей!
И планета наша голубая
С новой Русью стала голубей.

Не спугни малиновые зори,
Не тревожь рассветной тишины.
Песни-птицы в голубом просторе
Славят мирный труд моей страны.

Знала Русь свинцовые, косые
Ливни, бури, грозы — все прошла...
Рано просыпается Россия,
Чтоб вершить великие дела.

Колосится нива золотая,
Славит хлебом Оренбургский край.
Дарит нам Россия полевая
Пышный и румяный каравай.

Хороша Россия полевая!
В колокол набатно, звонче бей,
Что Планета наша голубая
С новой Русью стала голубей.

ОРЕНБУРЖЬЕ — СЛАВНЫЙ КРАЙ

Край Оренбургский — край мой орлиный,
Вольные степи — широкий простор.
Новые песни поет край целинный,
Из самоцветов уральский узор.

Добрый Урал, ты — добытчик державы,
Кладоискатель — и мастер-кузнец.
Мудрый хранитель истории славы,
Нынешней славы достойный творец.

Выше литые колосья пшеницы!
К небу и звездам — в степи города.
Как же, Урал, нам тобой не гордиться,
Если Уралом Отчизна горда?!

Выйди в поля, на луга, на покосы,
Вечно загадка — уральский простор:
Каменный пояс из гор и утесов
И синеглазье цветов и озер.

Золото-золото — зерна пшеницы!
Золота-золота — хлебный поток...
Славят свой край мастера-кружевницы,
Славят страну Оренбургский платок.

Юрия два — два космических брата —
Край Оренбургский им силы отдал.
Здесь на крыло становились орлята,
Чтобы из космоса видеть Урал.

**А. С. ПУШКИН
В ОРЕНБУРЖЬЕ**

Оренбург и Оренбургский край А. С. Пушкин посетил осенью 1833 года. Великого поэта глубоко интересовали переломные периоды в истории России. Об этом им написано несколько гениальных произведений.

Не являются исключением и два шедевра, два литературных памятника о нашем Оренбургском крае — «История Пугачева» и «Капитанская дочка».

В СУДЬБЕ НАРОДА — СУДЬБА ПОЭТА

У капризной судьбы —
свои нравы, законы.
Повелел государь
путь держать на Урал.
В пене с кровью, в поту
мчались шальные кони
В край, где ветер степной
были в песни слагал.

Первый бард на Руси,
на святой и великой,
Больше тысячи верст
с ямщиком проскакал.
Смесь племен увидал,
степняков полудиких
И казацкую вольницу —
славный Урал!

Всплески битв и зарниц,
Пугачева столицу
В Бёрдах бард наяву
своим сердцем согрел.
И одна за другой
замелькали страницы —
Оренбургский наш край
полюбитесь успел.

«Д-дай свободу и землю!» о-р-ра-ли
в з-зах-лебе
И кр-р-ро-вавили степи,
теснили полки.

Думы все у рабов
о земле, о хлебе.
И — в беспамятстве лезли
на пули, штыки.

Лиры звук черных душ
вряд ли ноткой коснется.
Царевали цари,
пановали паны..
В грозном грохоте степь
гневно вдруг содрогнется
От суровой крестьянской,
мятежной войны.

Этот вопль холодит,
жжет и сердце, и душу.
«З-з-землю д-дай!» — смерда крик,
бунтаря-мужика.
Кто же землю отдаст?..
Не Гринев ли Петруша? —
Землю-дар смерд возьмет
от «царя»-казака.

Где великий поэт
песни века услышал?
В оренбургских степях,
где поет лишь метель?
Может дождь отстучал
эти песни по крышам?
Иль хрустальные песни
напела капель?..

Жизнь — зигзаг и спираль —
повторяет упрямо
Дедов, прадедов беды,
ошибки отцов.
Мир велик!..
Вдруг обвал, пропасть, яма?..
Кто придет,
назовет нам иных мудрецов?!..

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Шорох листьев — шум прибоя,
Ветер резок, свеж и чист.
От осеннего "разбоя"
Задрожал осины лист.

Златокудрой, златоглавой
Осень в Болдино вошла
И стихов цветистой лавой
Закружила, замела.

Взор у Музы — неба просинь
И поэзии букет.
Чудо — Болдинская осень!
Ай да Пушкин! Ай поэт!..

Так писать (не на потеху!)
Только Пушкин мог один.
И холера не помеха,
Не помеха карантин.

Вы прочтите-ка со мною!
Каждый стих, что огнецвет.
Гениальной рукою
Создал Пушкин — наш поэт.

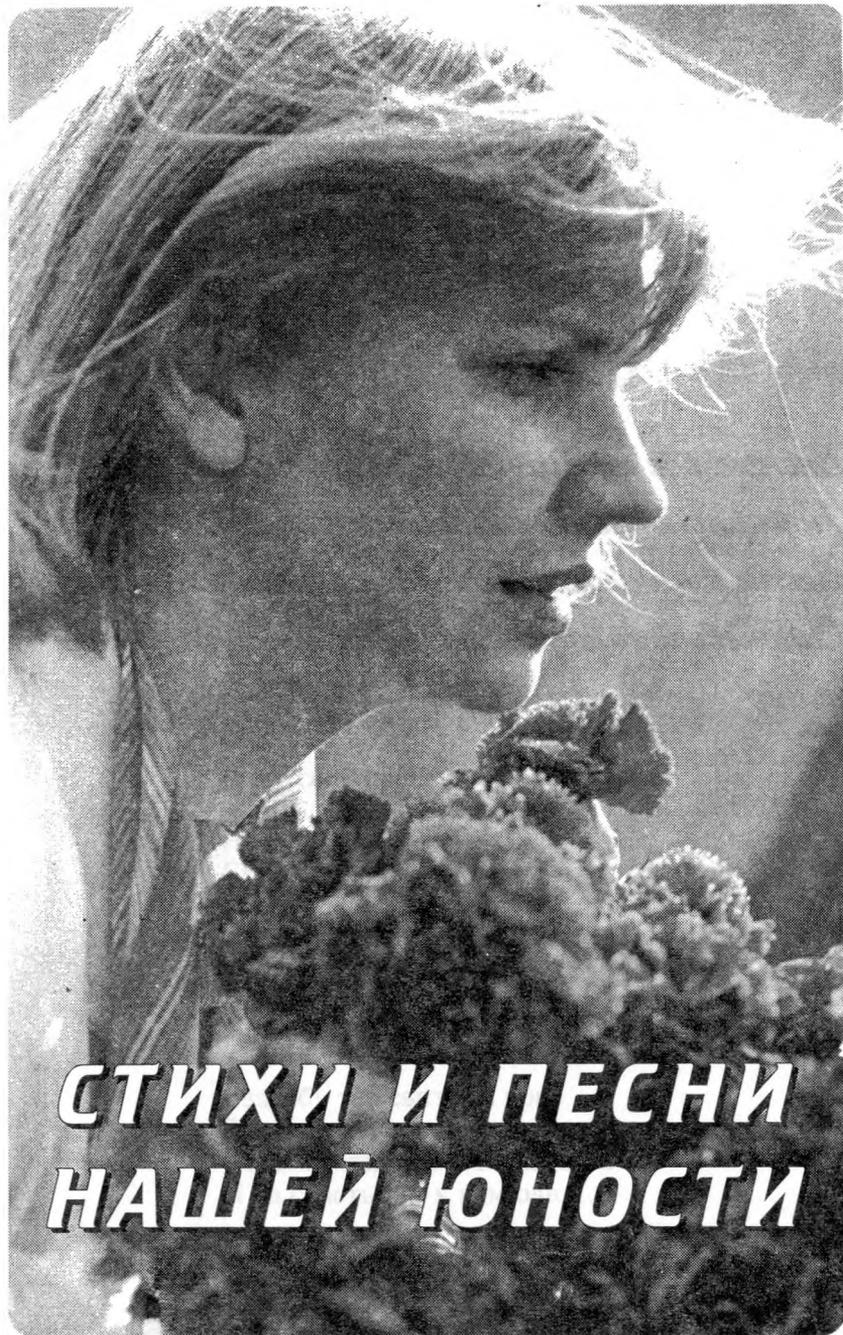
А душа парит, как птица,
Там, от Болдино вдали,
Ждет поэта царь-девица,
Ждет поэта... Натали!

Весны недуг...

Она посумасбродит —
То сна лишит, взволнует душу, кровь...
Никто не знает,
как она приходит,
Когда уходит первая любовь.

Моя весна (теперь так редко снится!)

И отцвела до срока, и прошла.
В платьишке простеньком
из голубого ситца
В синь неба улетела, уплыла.

***СТИХИ И ПЕСНИ
НАШЕЙ ЮНОСТИ***

*Весною все крылаты и все лауреаты ...
Гитарный звонкострунный перебор .
Весна в накидке белой по-девичьи несмело
Сиреневый заводит разговор .*

ЭХ, ТАТЬЯНА!

На работу выйду рано,
Чтоб послушать тишину,
Повстречать свою Татьяну,
Счастье, радость и весну.

Эх, Татьяна, нос курносый,
С челкой рыжей до бровей!
Где тебя там ветер носит?
Приходи. Я жду. Скорей!

Заневестилась Татьяна,
— Ну а чем я не жених?
А Татьяна мне: мол, рано...
(Это чтобы я «притих»).

И другие мелют тоже:
— Ну, зачем тебе жена?
На луну она похожа.
Глянешь — рыжая луна.

Но любовь сильнее вздора.
Под капустой, говорят,
После долгих разговоров
Ищут маленьких ребят.

Свадьбу так сыграем ярко —
Закачается луна!
Чтоб и звездам стало жарко!..
И на счастье — к нам одна.

В подвенечном, голубками
При народе, так хочу!
На машине с «пузырями»
В алых лентах прокачу.

«Волга» пусть пока чужая,
Через пять — у нас своя.
Мы за нею, дорогая,
Съездим в дальние края.

С той «звездой» в тайгу умчимся,
Затеряемся в горах.
И на «Волге» возвратимся,
А скорей — на «Жигулях».

Эх, Татьяна, с рыжей челкой
Канитель ты тянешь зря.
Зря теряешь время столько,
Таня — зоренька — заря!

**ДЕВОЧКЕ НАДЕ,
игравшей на скрипке музыку Вивальди
в весеннем саду**

По тихой улице иду.
Вот домик под зеленой крышей.
И вдруг — мелодия в саду...
Волшебной скрипки голос слышу.

Под солнцем, небом голубым,
Казалось, музыка сияла.
И в тот же миг я стал другим —
Как будто горя не бывало.

А все лишь музыка одна
Струилась плавно, тихо, нежно.
И вот... очистила до дна.
И ожил я. И стал я прежним.

Весна и музыка во мне
Прибоем вдруг зарокотали.
Не снилось счастье и во сне,
А тут звездою воссияло.

И снова я увидел свет
В простом, обычном, повседневном...
Вдруг стал особым яблонь цвет,
Цветущих яблонь вид отменный!

И аромат весны сильнее,
И звуки музыки дороже.
Что потерял — найти сумел
И силы новые умножил.

Альбина Иванова, учащаяся ДМШ при Бузулукском музучилище.

Царица музыки! Она
Надежды пробуждает зыбко.
Пусть горе плещется до дна,
Ты в этот час послушай скрипку!

Спасибо Музыке, Весне!
Спасибо девочке той, Наде,
Что наяву, а не во сне
Играла музыку Вивальди!

КОРОЛЕВА-КАРАВЕЛЛА

В окне луч солнца вспыхнул слева,
От храма плыл хрустальный звон
И вот явилась... королева,
Как сказка, диво, небыль, сон.

Ей пели нежные свирели.
И, соблюдая ритуал,
Со звоном первые капли
Упали, начиная бал.

Шла королева-россиянка
И величава, и стройна.
Не шла — парила царь-веснянка
И деловита, и умна.

От счастья радостно вздохнула —
(Приятно возродиться вновь!).
Ей солнце мило подмигнуло:
Пришла весна — пришла любовь.

А королева, осиянна,
В толпе нимб гордо пронесла,
С улыбкой нежной, первозданной
Флаг — каравеллой проплыла.

ГАВАЙСКАЯ ГИТАРА (Из воспоминаний «морского волка»)

Давно я не слышал гитары,
Гавайской гитары боль-стон.
С фартовой девчонкой «на пару»
В порту танцевал вальс-бостон.

Вращался диск старой пластинки,
Навзрыд выводила струна.
В глазах у девчонки слезинки,
Брала, зная, за сердце до дна.

Припев:

Гитара, гитара, гитара!
О чем твои стоны и плач?
Гитара, гитара, гитара!
Души моей лечащий врач.

Гитара, гитара, гитара!
Во мне твоя жаль, твоя боль.
Гитара, гитара, гитара!
Ты плакать меня не неволь.

У линий гавайской гитары
Свой шарм, своя прелесть и власть.
Проплачь нам с девчонкой «на пару»
Тот вальс, где и нежность, и страсть.

Услышу ли снова, не знаю.
Все — в прошлом. На прошлом — вуаль.
Я сам на гавайской сыграю...
К гавайской бы скрипки печаль.

Изранил матросское сердце
Гитары нервический звук.
Мне б снова душою согреться
От ласковых девичьих рук.

Гавайки волшебные чары —
Далекий и сказочный сон!..
Девчонка с фигуркой гитары
Зовет танцевать вальс-бостон.

ГОРОД ЮНОСТИ, МОЙ БУЗУЛУК

Бузулук по-весеннему молод,
И от сердца к нему все пути.
Пожелаю тебе, славный город,
Еще выше расти и цвести.

Белокаменный, солнцу открытый,
Величаво, как лебедь, плывешь.
И дождями, росой омытый,
Свои руки ты нам подаешь.

Припев:

Я люблю тебя, город родной,
Ты всегда в моем сердце со мной.
Дай обнять тебя после разлук,
Город юности, мой Бузулук!

Славен ты трудовыми делами,
Нам известно о том с давних пор.
Пусть поет о тебе вместе с нами
Бузулукский прославленный бор.

Бело-розовых красок, как море,
Расплескают весною сады,
Лишь слегка бузулукские зори
Рукавами коснутся воды.

На груди твоей орден сияет,
Бузулук Праге — преданный брат.
Вновь к вершинам победным шагает
Город-труженик, город-солдат.

БУЗУЛУКСКАЯ СЕРЕНАДА

О весне спою вам серенаду,
С юных лет весна нам, что награда.
Расцветают чувства, маки, розы,
Не страшны любви весной морозы.

Припев:

Все в цвету: и яблони, и вишни,
Вновь весна к нам с вербой нежной вышла.
Приходи на встречу в соловьиный вечер
Жду дивчину, жду!..

Бузулукский бор — роскошная громада,
Для влюбленных — вечная награда.
Над Боровкой стелются туманы,
Пишут нам поэмы и романы.

Серенаду вам — о Бузулуке,
Где живет любовь, а не разлука.
Где Джульетты красотой блистают,
А Ромео им не уступают.

Ты мила, как ландыш серебристый,
Взгляд твой шаловливый и лучистый.
Пахнет ночью мятой, резедою,
Снова вместе до утра с тобою.

Всем любви я солнечной желаю,
Песню о любви вам посвящаю.
Пусть любовь ввысь пенится, вскипает,
А Ромео дивчину встречает.

МЕДСЕСТРА НАТАША

Ты вошла в палату —
Посветлели лица,
Потеплели взгляды —
Всех роднее ты!
Медсестра Наташа,
Милая сестрица,
Ангел доброты и чистоты.
Нежными руками,
Умными руками,
Как крылом волшебным,
Прикоснешься вдруг,
Утихают боли,
Улетает горе,
Ходят все счастливые вокруг.
Медсестра Наташа —
Радость, гордость наша!
Просим всей палатой:
— С нами посиди.
Полечи словами,
Прикоснись руками,
Добрыми глазами погляди.

СКАЖИТЕ, ВОДЫ ВЕШНИЕ

Скажите, воды вешние,
Зачем снега уносите?
Белы снега уносите,
Меня о том не спросите?..

По белой тропке суженый
Ходил-гулял всю зимушку.
Все величал он любушкой,
Все называл голубушкой.

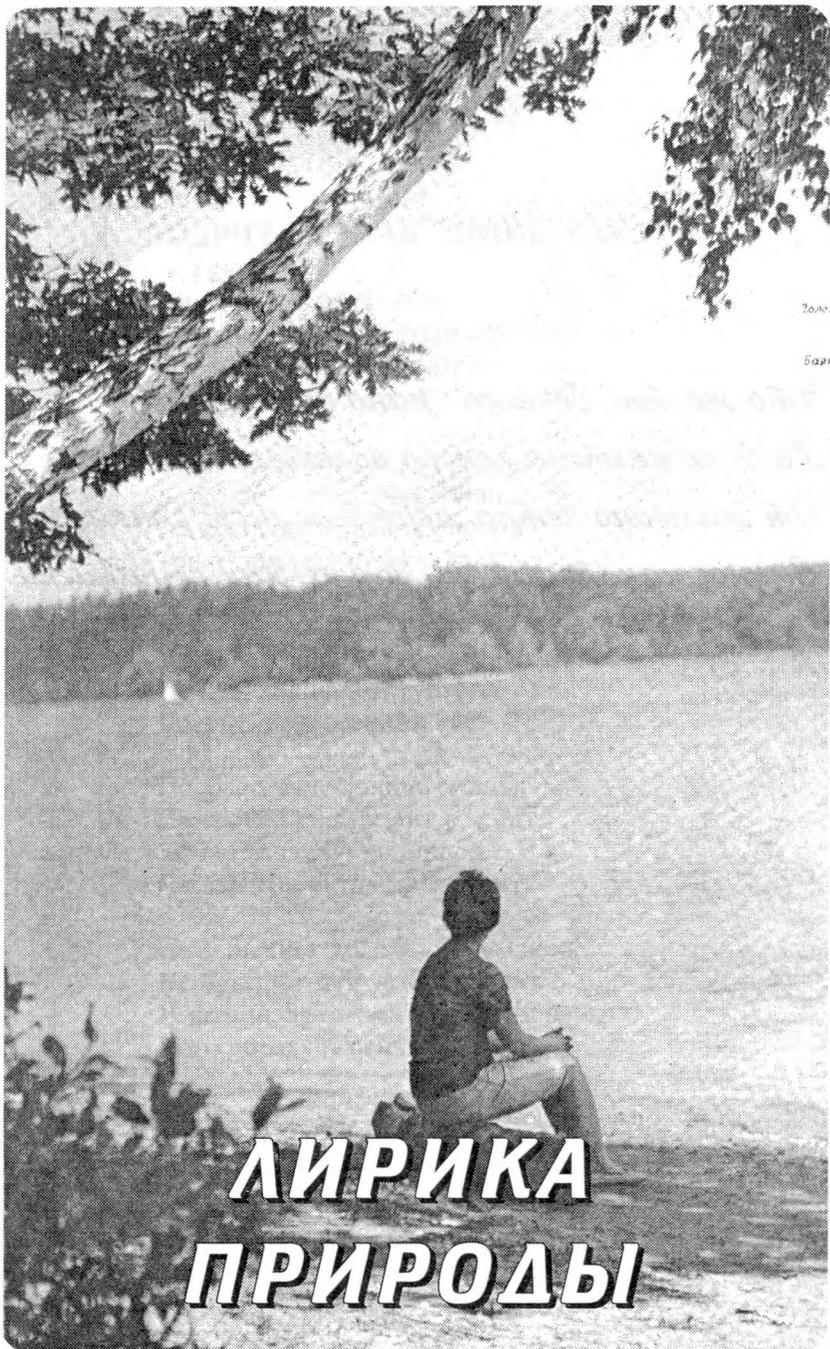
Не знала и не ведала,
Что есть тоска печальная.
Горька тоска печальная —
Не песенка венчальная.

Зачем вы, снега белые,
Весною скоро таете,
Под солнцем быстро таете,
Наверно, вы страдаете.

Уплыли снега белые,
Растаяли все льдиночки,
Потаяли все льдиночки,
Не стало и тропиночки.

Не ходит больше суженый,
Уехал — нету весточки.
Не пишет милый весточки,
А звал своей невестушкой.

Скажите, воды вешние,
Зачем снега уносите?
Белы снега уносите,
Меня о том не спросите...

Золн.

Бари

ЛИРИКА ПРИРОДЫ

*Что же ты, березка, рано пожелтела,
Рано пожелтела, скоро облетела?
От шального ветра мертвый лист роняешь,
Видно, как тоскуешь, видно, как страдаешь.*

БОДРИТ ПЕРО ОСЕННИЙ ХЛАД

Горят рубинами рябины,
Кружит устало желтый лист.
Летят вальяжно паутины,
Осенний воздух свеж и чист.

Букет из грусти дарит осень,
Березки — желтую печаль.
На крыльях журавли уносят
Тепло земли в чужую даль.

Но... вдохновенье вдруг слетает,
Приносит рифм тугой заряд.
Печаль лениво отступает,
Бодрит перо осенний хлад.

Подрастеряло солнце спицы,
Свой обод не стремится в зенит.
Зима голодною волчицей
С клыками острыми спешит.

Не вспыхнет яблочный румянец,
Не брызнет луч усталых глаз.
И штамп, хрестоматийный глянец,
Кого обрадует сейчас?..

ЗАКРУЖИЛА ВОЛШЕБНАЯ ОСЕНЬ...

Осень золотом будто пьяна,
Лист безумной метелью уносит.
Голова моя песен полна —
Закружила цветастая осень!

«Бабье лето» огнем полыхнет,
Мини-юбкой с ума лихо сводит.
То кокетливо вдруг подмигнет,
Хороводы березок заводит.

Осень — грусть!.. Осень — первый полет!
Новых выводков птичьего царства.
Я — за ними! Скорей в самолет!
И... на юг! И без тени упрямства.

Вольной птицей хочу я пожить —
Надоели тревоги, заботы!
Гнезда птиц буду я сторожить:
У людей для меня нет работы.

По душе мне свобода и рай,
Птичий «рай». В нем и жить-то охота.
Хочешь — пой! На рояле играй...
Среди птиц нету горя, заботы.

Осень золотом будто пьяна,
Лист шальной метелью уносит.
А душа моя песен полна —
Закружила волшебная осень!

ЗИМНЯЯ КАРТИНКА

В собольих шапочках рябинки —
Холодным пальчиком в стекло:
— Снимите стылые снежинки!
Когда же явится тепло?..

Припев:

Снегири, снегири
взяли цвет у зари,
Чтоб рябины рубин
пламенел не один.
Снегири, снегири —
нам тепло поскорей,
Нам весну поскорей
из-за дальних морей.

Утри рябин печальных слезы.
Холодный ветер рвет простор.
Зимой не плачут и березы —
У них с весной уговор.

Зима-зима околдовала,
Лютует дедушка Мороз.
И потому весна сбежала
И затаилась в мире грез.

МИСС «ЛЕДЯНАЯ КОРОЛЕВА»

Над Самаркой лик луны лукавый.
Золотом сверкает «медный таз».
Мисс бузулучанку рыцарь бравый
Пригласил креститься... В самый раз!

Взмах ресниц... Во льдах — живая Дева!
Пар струится. Стужа? Стынь. Мороз!..
Лебедь белая? Жар - птица? Королева?
Музыка волшебная из грез?!

О, Мадонна! В ледяной купели
Ты стоишь с букетом алых роз,
В малахит-воде, в янтарь-купели
Ты прекрасней неженек берез!

Ледяное шоу?! Просто диво!
И от страха стынет в жилах кровь.
Мисс во льдах! Да это мисс Мессия!
Мир спасет закалка и любовь.

В голубых снегах лежит Россия,
У подснежника «воскрес» курносый нос...
Биотоки по весне играют силой,
Если к сердцу выслан путь из роз.

О, Мадонны! Ваше имя свято!
И во льдах прекрасны, и в снегах!
Мчатся тройки, кони мчат крылаты,
Мчит любовь с улыбкой на устах.

Очарован, околдован. И... повержен.
Полынья со льдом и звень, и трель,
Так-без закалки! Я отвержен?..
С завтрашнего дня и я — в купель!

Зябну я у кромки белоснежной
И дрожу: под 33 мороз.
А Мадонна мне с улыбкой нежной:
— Уши берегите, трите нос!..

С двух концов свеча горит скорее.
Как хрусталь весной звенит капель.
Хочешь долго жить — ныряй смелее
В ледяную мудрую купель.

КОГДА В ДУШЕ ЛИШЬ ПЕПЕЛ СЕРЫЙ

Когда в душе лишь пепел серый,
Когда ум с сердцем не в ладу.
В осенний лес иду я с верой,
Что там гармонию найду.

Коснусь березы белоснежной,
Поправлю прядь роскошных кос.
Скажу в бору красе безбрежной:
— Н-ну и красив же ты, колосс!

Бор Бузулукский — наша слава!
Надежда и опора, честь...
А бор ответит мне лукаво:
— Нужна мне помощь, а не лесть.

Давно в былом и пылкость лета,
Усталость осени и грусть.
В судьбе негромкого поэта
Оставит след святая Русь

Страницы жизни — листопадом.
И канет в Лету стих живой...
А что же будет мне наградой? —
«Осенний сон», любимый мной.

Печаль и радость в днях рожденья.
Бегут года... Бегут и пусть.
Приходит гостя вдохновенья —
Рябины и седины грусть.

И ВНОВЬ ВОЙНА...

Вновь над Россией зло витает
И машет ворона крылом.
Земля от зла изнемогает,
Приходит горе в каждый дом.

Острее кинжалов режут уши
Стенанья, заунывный плач.
Больней «жиллетов» ранит души
Войны бессмысленный палач!

В одеждах черных, черных платьях,
Черны от горя, чернь в глазах...
Чем провинились сестры, братья?
Иль проклял русских бог Аллах?!

Не спрячет горе мать платочком,
«Ломает» горе и отцов —
Им в «цинках» привезли сыночков,
Мальчишек, воинов — юнцов.

**ЭТОТ ДЕНЬ МЫ
ПРИБЛИЖАЛИ
КАК МОГЛИ**

... После Сталинградской операции руководство военными действиями во всех командных звеньях Советских вооруженных сил достигло высокого совершенства. Хорошо показало себя большинство командующих фронтами и армиями.

Потеряв инициативу гитлеровское командование не справилось с возникшими трудностями, что приблизило час их катастрофического поражения. Это было начало общего разгрома фашистской Германии.

Маршал Т. К. Жуков.
Воспоминания и размышления.

ВОЙНЫ КРОВАВЫЙ СЛЕД

Засыпаны траншеи и окопы,
На брустверах звенит сухой ковыль.
Тут спят освободители Европы,
Цветы на плитах и седая пыль.

А Муза и Россия — две березы.
В глазах печальных — синь и бирюза.
И вечные тревоги, горе, слезы.
Всклень, до краев, — озерные глаза.

Рассветный день проснулся соловьями,
И жаркий луч скользнул испить к реке.
Кровавая война пришла с боями,
Не затерялась где-то вдалеке.

В лесах, полях, где братские могилы, —
Осколки мин, как ржавые глаза.
И голос: «Отзовись, сыночек милый!».
И плачут травы — падает роса.

У стен печальных, стен военкоматов,
О мертвых вспоминают земляках,
О тех, кто не вернулся в сорок пятом,
Но кто остался вечно жить в веках.

С гармоникою, песней провожают,
С прощальной улыбкою в глазах.
О смерти... похоронкой извещают
Иль доставляют в цинковых гробах.

МАТЬ

*Матери, потерявшей на войне
пятерых сыновей, посвящается*

Война жестокая следы
оставила,
Мать одинокую страдать заставила,
Береза белая, от горя черная,
Стоит печальная, но...
непокорная.
Зачем судьба моя
бедой отмечена?
Зачем земля моя
вся изрешечена?!
Береза скорбная
стоит, качается,
А память горькая
все не кончается.
Глаза у матери —
глаза осенние.
Где ж ее пятеро —
цветы весенние?!
Поклоны бьет она,
поклоны низкие,
Склоняет голову над
обелисками.
Сама история — судьба солдатская.
Их успокоила
могила братская.
Горит, колышется
огнями вечными,

А голос слышится:
«Где ж вы, сердечные?!...».
С березою белую —
мать в черном платье,
А слезы катятся,
а слезы катятся...

ПИАНИСТУ-ФРОНТОВИКУ

Фронтвик играл одной рукой,
В ре-миноре песни исполнял.
От аккордов, призванных войной,
Присмирел, затих огромный зал.

На рояле — правая рука.
Левой нет. Культя... Рукав пустой.
Песня сердцу трепетно близка,
Хоть мотив бесхитростно простой.

Пальцы правой бегают, спешат...
Вправо, влево... В трауре — басы...
И притихли люди, чуть дыша,
И никто не смотрит на часы.

Строго, скорбно женщины сидят,
Чьи-то жены, матери... Они
Знают эту песню, но... молчат.
В этой песне — эхо той войны!..

Памятны поры военной звуки,
Встал в порыве благодарный зал...
Пианисту целовали руку,
Знавшую и песни, и металл.

СОЛНЕЧНОЕ ТАНГО

Смеется солнышко в окошко
И светит счастьем мне в глаза.
Убавьте музыку немножко —
Хочу о танго рассказать.

Ах, это солнечное танго
Посеребрит аккордеон.
Любовь весной большого ранга,
В ней самый чистый, нежный звон.

С военных лет и через годы
Нам ритмы танго, как цветы.
Я с танго шел через невзгоды,
А в ритмах танго — рядом ты!..

Ах, это солнечное танго.
О всех влюбленных я пою.
Весной любовь такого ранга,
Что вспомнишь молодость свою!

Аккордеон рассыплет звуки,
Позолотит, посеребрит.
И наши трепетные руки
Любовь навек соединит.

И в Аргентине, и в России
Танцуют танго экстра-класс,
В глазах и черных или синих
Огонь Любви чтоб не угас!

МИРАЖИ

Воинам-пограничникам, охраняющим рубежи.

Я еще не убит. Мне поверьте, поверьте.
Снайпер дрогнул — щелчок,
А не дрогнул — в висок.
Мне всего 20 лет. Шлю письмо я в конверте.
Почтальон на порог — мама вскрикнет:
«С-сынок!»...
Тут одни миражи украшают пустыни,
И цветные дожди не секут саксаул.
Миражи, миражи — мусульманов святыни.
Свою службу несет русский наш караул.
Не горячечный бред эти «точки» на карте,
Про «горячие точки» — вам шелест газет.
Где романтика детства? Где сиденье за партой?
Как в тумане вопрос: «Буду жив или нет?».
Мы, как зомби, в песках, на сожженной границе.
Льется алая кровь на горячий песок,
Где растет саксаул, он ночами мне снится.
Саксаул, саксаул — наш солдатский дружок.
Проклинаю судьбу, эту «точку» отсчета
Моей жизни и смерти в чужой стороне.
За пески-миражи погибать нет расчета
На какой-то чужой и на «странной» войне.
Этих точек «чужих» и «горячих» все больше.
Как тифозная сыпь — на просторах страны.
И не хватит солдат — горе ближе и горше —
У России большой для всеобщей войны.

*Французским летчикам авиаполка
«Нормандия-Неман»
и русским асам посвящается*

Под куполом крыши,
до неба и выше, —
Гортанные песни Матье...
И вальс искрометный —
«Под крышей Парижа» —
С улыбкой поет шансонье.
Я не был в Париже,
Но стал он мне ближе:
Однажды, в сиреневый час,
В меня с переливом
И с блеском игриво
Вошел навсегда этот вальс.
В игре перламутра,
как звонкое утро,
От грусти надежный заслон.
Брал парень наш русский
Подарок французский —
Певучий аккордеон.
Светла память, свята
И дружба солдата,
Где братство — единый закон.
Я помню Ивана, веселого Жана,
С гитарою — аккордеон.
Их выхода ждали,
С восторгом кричали:
«Вив паризьен и ле Рюс!...»
В шинели военной
Дуэт пел отменный —
Пел с русским Иваном француз...

Мелодия века — спасти человека!
Мир, дружба — простые слова.
Всех ласково встретят,
Радушно приветят
Под крышей Париж и Москва!..

ОЖИДАНИЕ СЛАВЯНКИ

Восход кровавит алая заря,
Вещует нам жестокую судьбину.
Орлы клекочут, в вышине паря, —
Славянам отправляться на чужбину.

Припев:

Марш-марш — труба взახлеб в поход зовет.
И барабаны ухают упруго.
Солдат вернется, мир в дом принесет.
Славянка встретит, верная подруга.

Шагай, славяне, тверже, четче шаг.
Над головой взметайся выше, знамя!
Удар славян запомнит лютый враг,
Как прежде, он боится битвы с нами.

Испить всю чашу горести до дна
Славянам доводилось не однажды.
Мы не забыли День Бородина!..
И День Победы должен помнить каждый!

В полях России — мир и тишина,
Давно в земле сырой врагов останки...
Но снова у ворот стоит война
И снова марш «Прощание славянки».

В платочке белом — у ворот одна,
Прижав к груди натруженные руки,
Славянка, слезы выплавав до дна,
Ждать, верить будет в горестной разлуке.

**ДАМСКИЙ ВЫСТРЕЛ,
или о чём думает бывшая биатлонистка,
поймав в «крест» русского солдата**

А надо ль думать?

Все — продажно!

Цинично все!..

За «баксы» бьют!

Пусть плачут матери протяжно —

Им в «цинке» сыновей везут.

Прицел у снайперской «драгунки»

Х-хо-рош! —

Ц-цап в «крест» — и с х-ходу б-бей!

Ложатся пули, словно в лунки, —

То в шею бьют, то меж бровей...

Команда «Белые колготки» —

Из асов! Трижды мастеров!

Бьет в голову прямой наводкой,

И тут не надо докторов.

С усмешкой бьют. И... с наслаждением!

Таким стрелять — не привыкать.

Волчице жертва — вожделенье...

Но бьет-то женщина! Бьет мать!..

Вповалку мертвые, подранки,

Поди, попробуй их убрать!

Лишь злые псы грызут останки...

А где-то ждет солдата Мать.

Хоть в бровь! Хоть в глаз! —

Стреляют лихо!

Уложат — под рукой коньяк

и бутерброд...

Спокойно, тихо... «Постой!

А вон еще чудак!

Берут, как в кадр, в прицел винтовки, —

Подвинься малость, стоп! Вот так!
Ах ты, малыш! Какой неловкий!..».
И п-плав-но — щелк! «Лежи, дурак!».
У снайперш есть свои «причуды» —
На выбор жертвы и на «вкус»...
«Клялись вы в дружбе нам, п-пас-ку-ды!..
Теперь стал враг нам, Ванька-рус!»...
За что ты, Русь, так нелюбима?!
Народ — всем «брат». Страна — «сестра»...
Горит вражда неугасимо,
И ненависть, как штык, остра.
А женщины ль — такие «дамы»? —
Пред ними волки — впрямь щенки!
Хоть раз такую звали «мамой»?
Есть у таких свои сынки?!..
Зачем «железным леди» слезы? —
За деньги совесть продают!
Винтовки им милей, чем... розы,
Ведь не в своих же деток бьют!..

МОЛИТВА И КРАСОТА СПАСУТ МИР!

Опять в тревожной тишине
Мы к Богу души обращаем.
Молитву в горней вышине
До исступления читаем.

Несовершенен человек! —
Свое же сам кровавит время.
Из века в век, из века в век
Сам губит человечесье племя.

Дойдет к сердцам ли божий глас?
Иль в мире снова стало тесно?
Но хватит ли свечей для нас.
И где схоронят? Неизвестно...

Бурлит, беснуется эфир —
Придет ли, явится Мессия?
Спалит огнем весь божий мир?
Или сгорит одна Россия?!

Не дай нам, Бог, сердце утрат!
Молитвы людям не запретны
Добро иль зло даст брату брат?
Мы перед Богом все ответны.

А если в душах только страх?
Одна есть крепость — гимны Богу.
Не сломит дух безумец-враг! —
Сам Дух придет к нам на подмогу...

Опять в тревожной тишине
Мы к Богу души обращаем.
Как перед боем на войне —
Молитвы истоиво читаем.

**ПУСТЬ СТОРОНОЙ
ПРОХОДЯТ ГРОЗЫ...**

«Возлюби господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» .

Евангелие от Марка .

БАЛЛАДА О ПЛАЧУЩИХ ИКОНАХ...

Иконы плачут по России.
(Прошла народная молва).
Мрачнеют тучи в небе синем,
Рокочут гневные слова.

Десятый год ждем улучшения.
Посул и клятв — не «донести»!
И подступает... удушенье:
Куда нам плыть? И с кем грести?!

Нас демагоги сказкой сладкой,
Как малых деток, увлекли...
А миллиарды-то «украдкой»
В чужие банки утекли!

Одна надежда — Провиденье!..
Не раз спасал Россию Бог.
Держали на «бугор» равненье,
Но Запад так и не помог!

И вот... заплакали иконы.
Народ, поверженный, молчит.
Молчат высокие законы...
Ребенок брошенный кричит.

А демонисты-бесы скачут —
Взыграл наживы аппетит!
Иконы за народ поплачут.
Народ привык. Он помолчит.

Мы столько дров поналомали.
Что было — начисто смели!
Порастащили, распродали...
«Поклон» нам низкий до земли!

И вот иконы мироточат.
Из глаз — кристальная слеза...
А раны в душах кровоточат —
Какая там еще «гроза»?

Зачем заплакали иконы?
Иконы — символ всех святых!
Молчит народ. Молчат законы.
Неужто близится... аминь?!

Глаза повыжгли горем слезы.
Воспрянь, Россия! Улыбнись!..
Пусть стороной проходят грозы,
Трудись до пота и... молись!

А может — это возрожденье?
Не век же бедность проклинять!?
А слезы? Слезы очищенья!..
С надеждой плачет Божья Мать.

ЛАД

Есть Бог.

А есть порог.

Есть ладан.

Христос воскрес. И есть... аминь.

А в жизни — никакого лада!

Прочь, Сатана! Изыди! Сгинь!

И гневно ропщем: «Вот, сгораем.

Вулканов пекло! Пламень! Ад!

Бог воздает — не понимаем,

Что нужен нам, как воздух, лад!»

К мамоне снова приобщились —

Вновь богачи и бедняки.

У Бога этому учились? —

В лицо обиды и плевки.

И лада нет. Лишь катаклизмы

На солнце, на земле — везде!

Нас губят догмы и софизмы,

Мы в сатанинской борозде.

Год двадцать первый, тридцать третий...

Их сколько было, злых годов?!

Тысячелетье, как мы встретим?

И каждый встретить ли готов?!

За что же нам пришло отмщенье?

Не сами ль сотворили ад?!

И от Всевышнего прощенья

не жди,

Пока не будет лад.

ПОМЕШАННАЯ

Я видел сумасшедшие глаза
Без мысли, без надежды, без огня...
Они пронзали душу, как гроза, —
Не сдержит взгляд сверхпрочная броня.

Толпа глядела молча, а она...
Кружилась в легком танце босиком.
Невеста чья-то, может быть. Жена
С отравленным, помешанным умом.

Вдруг, замирая, медленно плыла,
Руками рассекая сизый дым,
Русалкой, нимфой, видимо была
И танцевала с тем, кто был любим.

Теперь все в прошлом? Ничего не жаль?!
Да помнит ли? Скорей всего, что нет.
И грезилась вишнёвая ей шаль,
Которую в стихах воспел поэт.

Сошла с ума! И двадцати-то нет.
С ума... сошла! Танцует и поет.
«Прекрасен мир»! И тот, и этот «свет»:
Ей даже нищий мелочь подает.

Теперь она «счастливая» — все есть:
Работа и зарплата, угол свой...
А улица шумливая ей — в «честь»:
«Легко живет с безумной головой»...

Я видел эти мертвые глаза.
В них — безысходность бешеной рекой!
Безумство не удержат тормоза:
Сгорят от стрессов с черною тоской.

КРЕСТ

Упал мой друг у самого порога.
Как будто подкосили пулей, лег...
Мечтал в стихах поведать он о многом,
Да вот, поди же, сердце не сберег.
Как пласт свалился...
Словно пал на плаху!
Порог и плаха...
В этом что-то есть.
Одели в «деревянную рубаху».
«Мир праху!» — скажут, воздавая честь.
Оставил мать с тоскливыми глазами,
Жену с ее безмолвною мольбой,
Оставил мир с печальными слезами,
С небесной безысходной синевою.
Ушел поэт. И стало в мире сирот.
Хоть словом грел.
Теперь и слова нет.
Не все на белый свет приходят с лирой...
Чернеет день, когда уйдет поэт.
Остановилось сердце у порога.
Упал без стога и навечно лег.
Закончилась в поэзию дорога,
Друзьям оставил то, что так берег...
Берег он душу чистую, святую.
Она теперь от тела отошла.
Тетрадь стихов заветную, большую —
В столе лежала годы — не «пошла».
В Отечестве пророков не бывает.
Поэт — и что? Подумаешь — поэт!..
В России мертвых больше почитают.
Живых удел — пройти Голгофу, крест.

ГАВРОШ

Я живу беспшабашно —
День прошел и — хорош!
Так привык. Мне не страшно.
Я крутой, как Гаврош.

Ни отца нет, ни мамы,
Ни гроша у меня...
«Сникерс», «Марс» или «Раму»?..
Х-ха! Кому — до меня!

Я — ничейный бомжишка,
Люмпен с детства, отброс.
Безнадзорный мальчишка...
И не помню, с кем рос.

Где живу? На вокзале.
По карманам я — «спец».
Зазеваются в зале —
Тут как тут «удалец».

А зимою — в подвале
Там — «простор голубой»:
Вдруг алкаш что «отвалит»
Иль жилец над тобой.

Я еще неподсуден —
Мне одиннадцать лет.
Есть хочу до полудни,
А с полудни уж нет.

Так живу бесшабашно:
День прошел — и хорош!
Не один я. Не страшно.
Есть такой же Гаврош.

Я Парижа и Сены
Никогда не видал.
Лишь облезлые стены,
Полутемный подвал.

И бываю в разъездах,
Как «турист». Не изгой!
«Промышляю» в подъездах,
«Корешок» тот — со мной.

СУХОВЕЙ

Шальные ветры налетают,
Как всадники былинных лет.
Злым суховеем обжигают
И оставляют черный след.

Горят румяные восходы.
В огне — расплавленный закат.
От зноя гибнут травы, восходы...
А кто же гбнущему рад?

Зверь-суховей — дикарь с косою —
Рвет яро в клочья парус мой.
Кто встанет на пути разбою?
Кто остановит пекло, зной?!

ТОПОЛЬ И БЕЛАЯ СИРЕНЬ

Стоит у дома тополь мертвый,
Стоит, израненный, больной.
Хозяин — мужичок «потертый» —
Недопилил его весной.

Топориком и так и этак
Пообтесал небрежно ствол
И буркнул: «Для подросших деток
Ни шкаф не выйдет и ни стол».

Пилу отбросил он устало,
Сказал беспечно:
— Пусть стоит,
С утра я «принял», чую: мало,
А магазин давно открыт...

Красавец тополь в непогоду
«Крылом» избенку укрывал.
Да вот «н-не уг-го-дил нар-роду» —
Спаситель вдруг не нужен стал.

— Свет застит. Ишь какой рогатый!
И дом как будто обомшел.
От этой теми стал «горбатый»,
Весною — пух. Ну и... «вопше».

С тех пор красавец величавый
Зеленый, клейкий лист ронял.
Заметно чах «полковник» бравый
И потихоньку умирал.

А рядом, прикасаясь нежно,
Сирень, что девушка, цвела
Цветами, негой белоснежной
Обнявши тополь, речь вела:

— Не умирай! Молись!
Я к богу на небеса
Взвихрюсь, взлечу.
И обращусь я за подмогой.
Мы будем вместе, так хочу!..

Уж много лет наш тополь гордо
И свысока на люд взирал.
Сирень плечом надежно, твердо
От бурь житейских защищал.

Природу человек врачует
И держит перед ней ответ.
А если он ее «линчует» —
Спасет ли добренький совет?

Четыре дерева обязан
Взрастить живущий человек.
С природой он с рожденья связан —
Таков наказ ему навек!

Тогда земля и будет садом,
И воздух свеж, прозрачен, чист.
А так — крошечным станет адом,
Коль человек — авантюрист.

БЫЛЬ, СТАВШАЯ БОЛЬЮ

*Памяти героев-чернобыльцев
посвящается.*

Набатом, колокол, звени!
Четвертый блок, четвертый блок!
Ты знаешь, помнишь, кто они?..
Кто в ад шагнул, чтоб жить ты мог?!
Никто, никто себе не враг,
Но люди высочайших проб,
Кто делал этот «саркофаг», —
Себе заказывал он гроб.
На кладбище их двадцать шесть!..
На Митинском, что под Москвой.
А сколько «выгоревших» здесь
Томятся вечною тоской?!
Прогресс, что бес, — лихой разгон!
Готов он мир спалить дотла.
Мы помним Тоцкий полигон
И силу атомного зла!
Живуче зло. Безумен мир!
Силен «князь мира» — сатана!
И что ни день, летит в эфир:
Война, война, война, война!

ЧАЭС! И ты «войной» была.
И не внимала ты мольбе.
По ком звонят колокола?
Звонят по мне и по тебе!
Мы помним дату — «26».
Апреля, мая маету.
И в знак, что дата эта есть, —

Под нею — черную черту.
По ком звонят колокола?
О чем та боль? И что за боль?
Чернобыль — черная скала,
Как в душу въевшаяся пыль.
Пожарных долг — где горячей,
Солдат в огонь Устав позвал,
И без надежды на врачей
Героем каждый в «зоне» стал.

ОТ «СОВКА» ДО «ЧЕЛНОКА» (сказка-быль)

Бывало с уваженьем называли:
Товарищ. Гражданин и Человек...
Теперь, пока «лимоном» не ударишь,
Ты — «быдло, люмпен, раб, совок» навек.

Пускай — «совок»... Бывает и похуже.
Коммерцией займусь — и я уж не совок.
А если пояс затяну потуже —
Открою «шоп», иль попросту «комок».

На рынке с торгашами состыкуюсь,
иль мафией...
Возьми тогда меня.
И если... если я не проторгуюсь,
«Мульены», как каштаны из огня.

Урон, конечно, если рэкетеры
Возьмут меня за «холку» и за «хвост».
Найму тогда амбалов-волонтеров —
Не страшен будет ни один прохвост.

Тогда уж я не просто личник-хищник —
Делец я. А точнее — коммерсант.
Есть капитал. Торгую за наличник
И думаю открыть универсам.

Недаром говорят, что взятки гладки.
С подельниками мы — одна семья.
Даем мы взятки — результаты «сладки» —
О нас не хрюкнет ни одна свинья.

Что сделали с тобой, народ России?
Наверно, сильно Бога прогневил.
Секут в лицо Руси дожди косые,
С колен подняться, видно, нету сил.

Совком я не был. Не был безработным.
А ныне — бомж, бродяга, жалкий раб!
О времени тоскую невозвратном,
Когда шел на работу и был рад.

Теперь — торгаш! И-ех, е-м-мое! Р-работка!
От холода дрожишь, как сукин сын.
Жена стоит «синеет» (б-блин-н) в колготках,
Канючит деньги на обеды сын.

Потом супруга — месяц с воспаленьем...
Все барыши — в больницу, как в трубу.
Простынет — снова болеей возвращенье,
Палатка-клетка на моем горбу.

Не мучили нас прежде рецидивы.
Нормально жили все друзья — «совки».
Истории проклятые извивы!
Зато мы «выше рангом» — челноки.

Совок... челнок. Рифмуются недаром.
Народ всегда страданием живет.
Согнали всех в послушную отару.
Узнать бы к прежней жизни поворот!

Свой шанс и власть бездарно уронили.
«Ковчег» кремлевских старцев шел ко дну.
За что сражались — то не сохранили!
«Челнок» — кликуху носим лишь одну.

В палатке я о водочке мечтаю:
Того гляди в морозы дуба дашь.
И раньше выпивал. Теперь уж я «лакаю» —
Челнок, по совместительству алкаш.

По весям, городам «челночу» все, мотаюсь.
Авто, как зверь, бензина баки жрет.
Все чаще-чаще в жизни спотыкаюсь
И жду, когда Яга с косой за мной придет.

Двенадцать лет — реформы, перестройки
Под барабанный бой и визг, и демур-ра.
Коттеджи, дачи-люксы и... разборки.
Кто хапнул больше — за «бугор» пора.

ЖЕНСКИЕ РУКИ

*Руки милой — пара лебедей.
С. Есенин.*

Умные, нежные женские руки,
Сколько в вас ласки, добра и тепла!
Лечите раны, смиряете муки,
Гоните боль, что от черного зла.

Женские руки, что чайки в полете!
Чтоб не случилась какая беда,
Счастье, любовь только вы принесете...
Не оставляйте меня никогда!

Руки волшебные, жаркие руки...
Вдруг обовьют — в сердце кровь горячей!
Женские руки — поэзии звуки,
Солнечный луч и весенний ручей!

A black and white photograph of carnations. In the foreground, there are three carnations: one large white one on the left, one dark one on the right, and a smaller one in the lower center. The background is a soft-focus rainbow. The text is overlaid at the bottom in a bold, italicized font.

**«ОБМАКНИ ПЕРО
В ЦВЕТЕНЬ-
РАДУГУ»**

Поэт! Не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

А. С. Пушкин.
Поэту.

ПОЭТУ

*«...Когда хочешь писать о женщинах,
надо обмакнуть перо в радугу и стряхнуть
пыльцу с крыльев бабочки».*

Дени Дидро.

Если хочешь петь Красоту-Любовь,
Славу Родины, нежность Матери,
Лиры звук настрой, чтоб вскипела кровь,
Жар-огонь добудь хоть из кратера.

Поклонись душой Земле-матушке,
Нет — гордыне, злу! Чист и свеж родник!
Возлюби Народ, народ-батюшку.
— Я с народом жил! — твой последний вскрик.

Стань, замри в лесу, слушай иволгу:
Песни-звездочки! Нотки-лампочки!
Обмакни перо в цветень-радугу
И стряхни пыльцу с крыльев бабочки.

НАЧИСТОТУ

Давно мы встречи этой ждали.
Как вы — не знаю. Я — давно.
Стихи мои вы все читали,
Но я прочту еще одно.

Любая встреча — из волненья:
Дойдут стихи, а может — нет.
Влечет к общенью притяженье —
Узнать, каков же я поэт.

Коль цвет черемух и акаций
Не станет радовать наш взор.
Волшебный спектр ассоциаций
Для нас не более, чем вздор...

Мы безнадежно постарели!
Зачем сиреневый туман?
К чему певучие свирели?
Все в этой жизни — фальшь, обман.

Исчезли звуки, краски лета.
И мертв уж осени убор.
Им дела нету до поэта,
О чем с ним может разговор?..

А если щеки — зорь румянец,
Сноп искр горящих ваших глаз? —
Долой хрестоматийный глянец!
Мой стих нашел приют у вас.

Когда же сам себе не верю,
Признанья долго-долго жду,
Я за надеждой и за верой
К своим читателям иду.

А вдруг там Музу повстречаю.
Она — что первая любовь!
На вдохновении взлетаю,
И стих ко мне — жар-птицей вновь!

А если стих мой иней белый
Иль образ — хиленький росток?
Чуть шепоток — не голос смелый —
Ты не поэт и не пророк.

Стихам — венок, твердь пьедестала,
Коль ты певец, пророк, поэт!
Но если строфы вполнакала —
Ты не поэт! Поверь же — нет!

МОЕ РОЖДЕНИЕ

Мать явила в пшеничных крестцах,
Разорвав на пеленки рубаху.
Было тихо в печальных снопах,
Словно жизнь мне готовила плаху.

Ну, а я мужичок-зевлорот,
Ничего — ни про крест, про Голгофу...
Молочка бы попить до икот...
Это позже слагать стал я строфы.

Тер, царапал лицо кулачком и... орал!
На кого же я злился?
Ощущал своим теплым бочком
Груды матери и — «веселился».

Зевлоротым — им только орать,
Заявлять о себе всему свету.
Нет — скорее бы в поле пахать
И до пота трудиться все лето.

От рожденья — по счету — шестой
Я в семье. Для крестьянства — нормально.
Пай прирежут — надел небольшой.
Не бог весть — для семьи «эпохально».

А назвали меня Васильком...
Васильки — украшение поля.
Из пшеничных колосьев венком
был увенчан...

НОСТАЛЬГИЯ, РОЖДАЮЩАЯ ВОСПОМИНАНИЯ

*Я снова чью-то песню слышу...
С. Есенин.*

«Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом»...
Давно из дома мне не пишут:
Нет дома, нет и живших в нем.

И нет скрипучего крылечка,
Нет грустных ставней голубых,
И не забьется уж сердечко
При виде близких и родных.

Всех разметало вихрем время —
В том злая доля, знак беды.
Не прорастет живое семя:
В колодце жизни нет воды.

В платочке темном у калитки
Не встретит старенькая мать.
И яблоч золотые слитки
В саду увядшем не сорвать.

Нет, не споют мне грустной песни
Про отчий край и отчий дом:
Нет дома — жить не интересно!
И... подступает к горлу ком.

ТЕНЬ НА ПЛЕТЕНЬ (шутка)

Развелось поэтов — пропасть!
Уйма ловких фирмачей.
Воду льют, вращают лопасть
И журчит стихов ручей.

Сколько всех чернил изводят
И бумаги!.. Целый день
Сочиняют, колобродят,
Тень наводят на плетень.

Все березки ощипали,
Не оставив ни одну.
Даже солнце «захватили»
И... «облаяли» Луну.

Не стихи — сироп безвкусный.
Не вино, не газ-вода.
Выдают же за «искусство»,
А стишки-то — ерунда!..

Говорил поэт московский,
Что топить всегда готов
Тех, кто пишет стих хр...ский,
Как слепых кутят-щенков.

Не позорь литературу,
Стих гоняя вкривь и вкось.
Лучше сдай в макулатуру
Или брось в мусоровоз.

Не поэты — винегреты
Из капусты да с лучком...
Жаль, вот, перца, соли нету,
А в Союз — бочком, бочком.

МОЯ МУЗА

Ты сегодня такая хорошая,
Словно ландыш в росе по весне!
В паутинке, на плечи наброшенной,
Вот такой ты явилась во сне.

На пушистых ресницах таинственных
Тень и луч доброты и тепла.
Свет из глаз...
Для меня он единственный
Взмах и взлет. Взмах — полет...
Два крыла.

Сбылся сон. Верь — не верь.
Удивление!
Рядом — ты! Я горю, я в огне!..
Моя Муза — мое вдохновение —
Наконец-то явилась ко мне...

Ты сегодня такая хорошая,
Словно ландыш в росе по весне!
Словно ель, что слегка припорошена
Юным снегом...
На зависть сосне.

СИЛА СЛОВА

Из слов — стена
 потверже, чем гранит.
Из слитков слов —
 незыблемый фундамент.
Из мудрых слов века
 огонь горит.
Слова — бойцы, а не простой орнамент.

Из слов — броня, особый прочный сплав,
От ветров, бурь — надежная защита.
Но под броней, лишь верхний слой убрав,
Вы сердце обнаружите пиита.

Живое слово жжет, горит огнем.
То слово — солнце, яркий, светлый пламень.
Мы ищем слово, мучимся, клянем
И спотыкаемся порой о слово-камень.

Как Прометей огонь, неси слова скорей.
Пусть слово птицей, молнией примчится,
Сердца людей ты словом обогрей,
Не дай остыть — не то беда случится.

В пустой породе слов
 найди такой алмаз,
Чтоб засверкал штыком в словесной буре.
Глаголом жег, звучал бы, как приказ,
И тьму чтоб прожигал, как огнебуром!

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ С. ЕСЕНИНА

В задумчивых прохладах —
березовая грусть.
Вся в золотистых прядях
есенинская Русь.
Деревьев златоглавость,
рябинок огнецвет.
Осеннюю усталость
душой воспел поэт.
На трепетных осинках
дрожит последний лист.
И в светотенях зыбких
денек октябрьский чист.
Минорные пассажи рояль
пророкотал,
Он с «Временами года»
и жил, и умирал.
Тоскует «бабье лето» —
жизнь лета коротка —
Нарядней, разноцветней
цыганского платка.
Злой ветер по овражьям
листвой кусты забил,
И паутин вальяжно
вдаль караван уплыл.
В бушлатах черных с «ором» —
сполохами грачи.

Окрест вещают хором:
 «Зови на юг, кричи!».
Осенний сон — грусть — радость,
 звень на святой Руси:
Есенин где-то рядом!..
 К столу скорей проси!

Есенинская осень.
Есенинская грусть...
В душе с любовью носим
Есенина и Русь!

В кипящей золотой метели
 под ветром мечется листва.
Вон деловито пролетела
Грачей крикливая братва.
В тоске по лету бродят сироты
 полуголодные стада.
Так «прохудилось» небо — сыро!
Кругом — вода, вода, вода.

И журавли прощальным кликом
Земле небесный шлют привет.
Стоят березы с скорбным ликом,
От них в лесу — осенний свет.

БАЛЛАДА О ДРУГЕ-АФГАНЦЕ

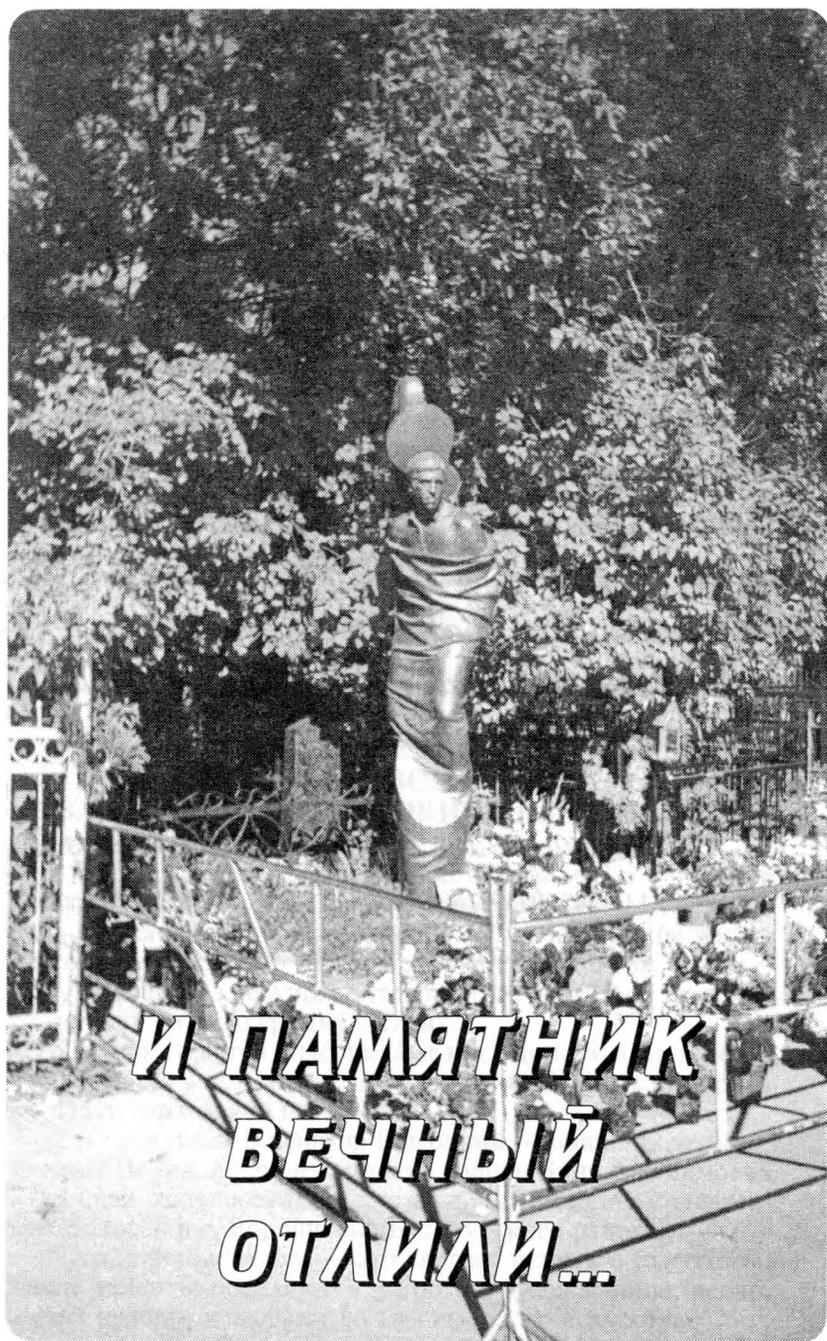
Я о друге пою, верном друге пою,
Кто мне жизнь сохранил, грудь подставив свою,
Вместе службу несли в чужедальной стране,
Вместе дружбу свою закаляли в огне.

Мчались мы на авто, где за скалами враг,
По дороге крутой, трассе жизни в горах.
Ветер-смерч налетал, сек «афганец» в стекло,
А душман, затаясь, целил хитро и зло.

В-вот кр-рутой повор-рот и машину — в вираж...
Пулемет вдруг захлеб — враг не призрак-мираж.
Мне о Родине друг песню славную пел,
Свою песнь до конца он допеть не успел!..

Плач, гитара, звени! Из ущелья туман —
Будь ты проклят, коварный двуликий душман!
Скорбь аккорда тиха, и закончен рассказ.
Боль и гнев за друзей, тех, что нет среди нас!

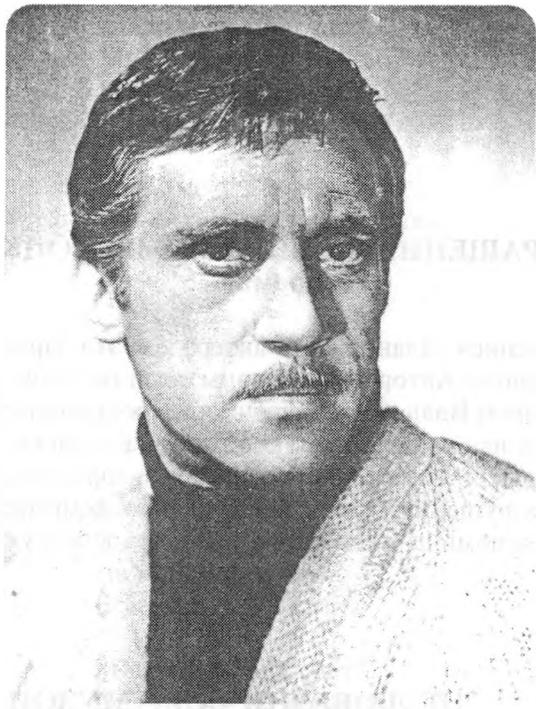
Но в защиту парней в этой песне скажу:
«В оцинкованный гроб я войну положу.
И не в рай, и не в ад гроб пошлю в небеса,
А туда, где клемо ставят: «Майд ин юса»...

**И ПАМЯТНИК
ВЕЧНЫЙ
ОТЛИЛИ...**

... Простота и доступность произведений Высоцкого не должны вводить в заблуждение. Напечатанные на бумаге, «остановленные», строки позволяют глубже вдуматься в смысл сказанного, по достоинству оценить иронию, сарказм, гротеск, использованные поэтом, отдать должное жанровому богатству его творчества, где представлены городской романс и баллада, элегия и лирическая медитация, сатира и пародия.

Сборник «Русская советская поэзия»
под редакцией Л. П. Кременцова.
Ленинград, «Просвещение», 1988 г.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ВЛАДИМИРА СЕМЕНОВИЧА ВЫСОЦКОГО

Владимир Семенович Высоцкий родился и учился в Москве. Окончив в 1960 году школу-студию МХАТа, он стал артистом театра и кино. С 1964 года и до конца жизни Высоцкий работал в театре драмы и комедии на Таганке. Будучи одним из ведущих актеров этого театра, он по праву разделил с ним его громкую славу.

Широко известен Высоцкий и как один из создателей и выдающихся мастеров авторской песни. Он способствовал расцвету бардовской песни.

Для бузулчан Владимир Высоцкий — «наш» поэт-бард. В годы Великой Отечественной войны Нина Максимовна Высоцкая, мать поэта, жила в эвакуации вместе с сынишкой Володей в с. Воронцовка Бузулукского района.

Предлагаемые стихи — это светлая память о Высоцком. Такие таланты появляются в России, к сожалению, редко, живут недолго и сгорают во имя высокого искусства.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО (поэма)

«Возвращение» талантливого актера и поэта барда — это поэтический прием. Автор поэмы попытался разумом, сознанием и острым взором Владимира Высоцкого, «воскресшего и возвратившегося» в нашу современную жизнь, дать оценку тем переменам, которые произошли в России после горбачевской «перестройки», разрушения Союза и «эффекта» демреформ. Актер и поэт-бард вспоминает свое время, свою творческую судьбу.

Глава I НЕ ЛЮБЕЗНИЧАЛ С МУЗОЙ (монолог-исповедь)

*И воскресают, словно сон,
былые времена.
И в хриплый мой магнитофон
влюбляется страна.
В. ВЫСОЦКИЙ.*

Не любезничал с Музой
И не ползал у ног.
Вот и дверь литсоюза
«Прошибить» я не смог.

Но не плакал в жилетку
Брюхоносцу навзрыд.
За свою же монетку
Не лизал я корыт.

Было все ж — суетился:
Мне б признание — вот так!..
И тогда я «вихрился».
Я — могу! Только так!..

Знал: меня «обложили».
Я — «зафлаженный волк».
Знаю, как не любили,
Что зубами я «щелк».

А народ меня понял,
Мои песни запел.
И поэтов я «донал» —
На Парнас все ж успел.

Я наполнил кассеты,
В них мой голос и стих.
Не писал я сонеты —
Вот чего не «достиг».

Мне романсы, сонеты
Под гитару не «брать».
Пусть другие поэты —
Я не стану мешать.

Мне Сережа Есенин
По душе, словно брат.
Я такой же «весенний» —
Есть от Музы мандат.

Я просиживал ночи,
В клочья листики рвал
И мечтал очень-очень,
Чтоб в Союз я попал.

Элитарные тени
Заслоняли мне дверь.
Я трудился без лени.
Как обидно теперь!..

На Парнасе пиитов,
Будто моли в шкафу.
Потому и сердиты —
В нафталине ф-фу-фу!

Не постиг пиетета:
Что-то ломкое в нем.
Мне, как барду-поэту,
Пиетет не знаком.

Стих мой проще и жестче,
И земнее мой стих.
Я в Парнасовых рощах
Не бывал даже миг.

Пулю в грудь — Маяковский.
А Сережа... повис.
Нет уж, я не «таковский»,
Чтоб кричали мне: «Би-ис!»

Я заполню кассеты
Без петли и свинца.
А признают поэтом...
После смерти-конца.

И без помпы, рекламы
Мои песни — в нар-р-род!
Чтоб без траурной рамы —
Пусть Высоцкий живет!..

Но случилось иное —
От с-судьбы не уйдешь!
И мое не стальное:
Ум-мер! —
Т-то-же «Х-хо-р-рош!»..

Да, в России таланты
Долго нет, не живут.
Если что — в эмигранты.
Или тут тихо мрут.

Исключенья бывают
(Как кому повезет)
Есть и долго «летают» —
Мой не прерван полет!..

Глава II Я ПИСАЛ КРОВЬЮ СЕРДЦА

*Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда веселых песен не пою.*

В. Высоцкий.

Не о грезах, мимозах,
О цветочках звенел.
И о русских березах
Каюсь я, не успел.

Вихрь метафор не веял:
Мистицизм — не сродни.
Бред и ложь я не сеял
Даже в трудные дни.
По натуре не мистик.
Я — поэт и артист.
Не дрожал я, как листик,
Перед совестью чист.

Не хотел «отзываться»
На житейский мираж.
Мне положено драться
И не ведать мандраж.

Пел о космосе, всях,
Где вихрятся миры,
О полях и о весях,
Что приносят дары.

Жизнь — что бой!
С кровью, потом...
Бьют в сопелку — ответь!
Если хочешь полета —
Драться надо уметь!

Посылал «жирных принцев»
Со «спринцовками» вдаль.
Пил? А что ж не напиться,
Когда в сердце — печаль.

Понаписаны горы!
И стихов, и стишат.
Я тону в этом море...
(Этим часто «грешат»).

Я не зимне-осенний,
Не сезонный колпак.
И не скорбный Есенин,
Не ревущий Маяк...

Самобытный я автор.
Мой конек — реализм.
Не «вертел» я метафор.
Все метафоры — жизнь.

Заблуждался в горячке,
Посылал в «тьму» и «дым»,
Если кто на болячку
Наступал молодым.

Лихо? Трудно? —
Я знаю.
Я — характер — артист.
И винюсь, что бываю
Иногда «экстремист».

Но друзей я не брошу:
Поделюсь! Помогу!
Их же горе, как ношу,
Переброшу врагу.

Я писал кровью сердца —
Вот и сердцу конец.
Если б мне побережся,
Вот тогда — молодец!

Ни князя, ни монархи,
Ни генсеки — никто!
Не спасли от анархий —
И мы платим за то.

Я творил кровью сердца,
А меня — за флажки.
От свинца куда деться?
Егеря (ух!) стрелки!..

В море затхлых догматов
Прорывался мой глас.
Стих мой — «меченый атом» —
В сердце каждом у вас.

На концертах кипели
Страсти-ярости дух!
И со мною вы пели,
Мой читатель и друг!

От друзей я намерен
Отвести боль-беду.
В XXI-й — уверен —
Вместе с вами войду!..

На том свете...
и-к-кота,
А н-на этом — Содом!
П-поглядеть мне ох-хота,
Кто Россию — в дурдом?

Расхватили мутанты
Рычаги и рули,
И гребут «эмигранты»
Из России рубли...

— Эх, Володя, Володя!
Жаль, ты поздно воскрес!
Ты послушай в народе,
Сколько диких «чудес»!

Снова Запад настырный —
Над Россией кулак!
Снова хаос всемирный,
Снова Ванька — «дурак»?!

Поднимают Россию
На чертячьи рога.
Н-но... в березовой сини
Нам она дорога!

— Нам воздвигнуть пороги?
Нам закрыть к свету путь?
Сатанинские дроги —
под Россию?!
Н-ну, жуть!..

Моя Муза не «скисла»,
И гитара звенит!
Э-эх! Удар-рю! Да свистну!
Все вокруг з-забур-р-лит!

ГЛАВА IV ПРАВИТЬ ПЕСЕННЫЙ БАЛ

*Она вынесет все, переждет,
Не записывай Землю в калеки.
Кто сказал, что Земля не поет,
Что она замолчала навеки?!*

В. Высоцкий.

Я с подружкой гитарой
В звон-аккорды сольюсь.
Словно в транс-ударе
Воспою мою Русь!

Я не спел многих песен,
Душу не расплескал.
И теперь мне, хоть тресни! —
Править песенный бал.

Недосказано много!
Каюсь: я утаил.
Обвинили бы: «Ворог!
Бес, мол, черт помутил».

А теперь я вернулся,
Чтоб долги возвратить...
О режим вновь запнулся —
Как башку б не сломить?

А режимы-прижимы
На одно ведь лицо:
Те ж из стали зажимы,
Так же кисти — в кольцо...

Молодой или старый,
Лучше, чтоб молодой,
Я вернусь к вам с гитарой,
Пусть совсем уж седой.

Долг отдам благородно!
Здравствуй, братья, скажу.
Я поэт-то народный —
К правде путь укажу.

Побывал на «том свете».
«Свет» похуже, чем тьма.
Люди, словно как дети...
Нет там света — тюрьма!

Сперто, душно от тлена,
Пыль кругом и дурман!
Нет дороги из плена —
Застилает туман.

Вечных истин не скроют
Склеп, могила, покой.
Пусть при жизни не роют:
Крест — живою рукой...

Не погибнет Россия!
Пусть века и стоит.
Ну, а если Мессия? —
Знать, она и решит...

Глава V ЖИВУТ ТАЛАНТЫ НА РУСИ...

*Я дышу, и значит —
я люблю!
Я люблю, и значит —
я живу!
В. Высоцкий.*

Сохранились куплеты,
Рифм роскошных венков.
Хоть при жизни поэтом
Мир его не нарек.

Песен мудрых и смелых
Много бард написал.
Артистично, умело
Правил песенный бал.

То-то бури кипели
У поэта в душе!
Он мечтал «зацепиться»
Хоть за «рай в шалаше».

Бесполезно стремленье
В «теремок», во «дворец»...
Ведь его песнопеньям
Предрекали конец.

Не «фонтан» — диссидентство.
А богема — подстать!
Испокон — декадентство,
Чтобы мистику гнать.

Кое-как, но поладил.
«Отсидентом» не стал
И с Мариною Влади
В «эмигранты» попал.

Упивался «свободой»:
— Жизнь не то, что у нас!
Вот что значит — «порода»!
Вот что значит их «класс»!..

Мы хотели свободу,
Сами р-раз — под топор!
Много всякого сброда
Веселится с тех пор...

Скалят зубы в усмешке:
— Вот вам, русы, каюк!
Грабят нас в дикой спешке.
Ну, а мы — что?
— «Хрю-хрюк»?..

Мне на Родине тризну
Поспешили: «К-ко-нец!»
А в Нью-Йорке был признан —
С Музой я — «под венец!»

Словно выросли крылья —
Еще выше взлечу!
Критиканов постылье
Вспоминать не хочу.

Книга с отзывом лестным
Для меня, как бальзам.
Стал себе «интересен»,
Ну, конечно, и вам.

И летаю, как сокол.
Почему ж не летать?
Вижу жизнь сверху оком
И хочу все понять.

Есть в России другие —
Богачи... Господа...
Но среди бедных такие —
Скажешь гневно: «Беда!»

Что с Россией случилось?
И с чего началось?
Богу плохо молились?
Иль грехов набралось?!

Глава VI
МОЙ НЕ ПРЕРВАН ПОЛЕТ
(Диалог Владимира Высоцкого
с Мариной Влади)

*Люблю тебя сейчас
не тайно — напоказ.
Не «после» и не «до» в лучах
твоих сгораю.
Навзрыд или смеясь,
Но я люблю сейчас,
А в прошлом — не хочу,
а в будущем — не знаю.*
В. Высоцкий

— В дисках, страстью
кипящих, —
Правды боль и тоска.
А в балладах, звенящих, —
Доброй музыки «рука».

В космос с этую музой
Я кометой ворвусь.
Я — поэт из Союза
И пою мою Русь!

На земле нету места,
Где обрел бы покой.
Знать, другого я «теста»,
Потому был «чужой».

Если муза в зените
И надежен «мотор»,
Мои песни, звените! —
Примет русский простор.

Нам, артистам, знакомы
Вдохновенье, полет,
Если ты не закован,
Если совесть поет.

Где Высоцкий? — Он — рядом!
В-вот! Живой, заводной...
Я ловлю его взглядом.
Он с гитарой родной...

Канделябрами били
Цвет ума испокон...
Много крови и пыли
Здесь, в «стране дураков»!

На пронзительной ноте
Над землей, в синеве,
Там «мотор» мой в работе —
Песня-стих — по канве.

Вот — «застойные» диски.
В них — вся радость-печаль!
Мне они — обелиски!..
Я люблю их! Мне жаль!..

Пусть потомок узнает,
Если песня живет,
Бард-поэт с ней летает
И не прерван полет!..

Я вернусь (фигурально),
Над страной пролечу.
И что есть (досконально!)
Разгляжу, прокричу!

И следы «перестройки»,
И «успехи реформ»
Воспою без подстройки
И воздам без проформ.

Я свободою бредил,
За нее и страдал!..
Вновь улита все едет —
Вновь бедлам и скандал.

На груди ветеранов
Знак войны — ордена.
Ноют старые раны,
Плачет горько страна!

Я им пел... И молчала
Лет военных гроза.
Лишь катилась с металла
Ветеранов слеза.

Если песня в народе,
Если песня живет —
Я — творец! (Не бесплоден!)
Мой не прерван полет.

Я из кремня — не глины,
Не поэт — солдафон.
Потому я Марине
Передам микрофон...

— Добрый, мудрый читатель,
Мою книгу прочти.
И поможет Создатель
Путь нам вместе пройти.

Есть поэты-пилоты.
Мой Владимир — пилот!
Он, как штурман в полете,
Курс другим выдает.

По нелетанным трассам
Первым рвался пройти.
Значит, создан был асом —
Быть звездой в пути.

Пел о летчиках песни,
Будто в небо взмывал.
На земле ему тесно —
Он простор штурмовал!

Рвался в небо он страстно.
Был ведомым и вел.
Вел туда, где опасно, —
Ястреб, Сокол, Орел!

Он корпел над строкою,
Он хрипел на износ.
А что будет со мною —
Он не ставил вопрос.

У любви нашей сети
Крепче, жарче огня!..
У меня — свои дети,
У него есть семья...

Рвется сердце на части:
Тут — Владимир.
Там — дом!
Где оно, мое счастье?!
Ну да хватит о том!

Я в Париж улетаю...
Он — ко мне, словно стриж.
(Обо всем забываю!)
Я — в Париж, он — в Париж.

Груз на женские плечи
(Ты попробуй поднять).
Труд — что врач. Он излечит.
Но... попробуй понять!

Микрофон «раскалился».
Свитер мокр. Липкий пот...
Гул оваций вихрился...
Перекошенный рот!..

Не богемная муза,
Труд проходит вот так.
И от «сладкого» груза —
Слово — выстрел: инфаркт.

Что оплакано — смыто.
Память сердца горька.
И она не забыта —
Слишком песня звонка!

В «перевернутой жизни»
Жди лихого конца —
Преждевременной тризны
Иль удар... подлеца.

Я все это познала.
Мне Всевышний простит.
Я с Володей летала!
Он за мной прилетит.

Песня, смерть часто — рядом.
Парадокс и — прогноз.
Мне вот слезы — «награда»
И букет белых роз.

Свои чувства не скрою.
Воли горю не дам!
Жизнь дается лишь с бою,
Пусть об этом он сам.

— Я беру у Марины
Теплых рук микрофон.
Разговор этот длинный,
Сути жизни лишь фон.

Если сердце в зените
И надежен «мотор» —
Мои песни берите —
В-вот о чем разговор!

Растворюсь в небе синем,
Сердцем с ним — навсегда.
И останусь с Россией,
Здесь — судьба и звезда!

А не то и кометой
В космос вихрем взлечу.
Много песен не спето.
Я спою: так хочу!

Побывал я в загранке,
Мир с тобой повидал.
Н-ну, играл на Таганке,
Кто об этом не знал?

А Париж дал мне «ходу».
Я в Париже воскрес!
Путь нашел я к народу,
В бесовщину не влез.

Жаль, что поздно хватился.
(Мне простит Русь-страна!)
Но в Париж я влюбился,
И Москва мне — нужна!

Я с Парижем — навечно:
Дал известность Париж!
И с Парижем сердечно
Ты, Марина, стоишь!..

Ты — Эйфелева башня
Для меня навсегда!
Жаль, что жизнь — день вчерашний,
Пролетели года.

Глава VII МНЕ Б ПРИ ЖИЗНИ ПРИЗНАНЬЕ...

*...А мы поставим свечи в изголовье
погибших от невиданной любви.*

В. Высоцкий.

Эх, Марина, Марина!
Жизнь — контрастный узор,
Ты сама говорила,
Вместо славы — укор.

Твое сердце — в Париже,
А в России — поэт.
Что дороже и ближе?
Ты ответишь иль нет?!

Знала жизни изнанку,
Знала творческий взлет..
Но и знала «подлянку»,
Когда бьют прямо влет.

За меня ты страдала.
У нас — общая боль!
Много горя познала...
Вот несчастье — изволь...

А Марина стонала:
— Что ж, Володичка, ты?
Не спасла!.. Убежала
От всех стрессов в «кусты».

Да, я знала, я знала,
Без меня пропадешь!
Сколько раз я спасала!
Но... придет — не спасешь.

Смерть пришла.
И... «крутая»!
Да и сам ты был «крут».
Жизнь, она вот такая, —
И по бьющему кнут.

Я — с тобой! Я любила!..
И ждала, и звала...
Но... потом я... остыла
И в Париж отбыла...

Ты теперь безразличный
И холодный лежишь.
Ритуально «приличный»,
Потому и молчишь.

Мне отдай свое сердце,
Увезу я в Париж.
Мне поможет согреться...
Почему ты молчишь?

— Эх, Марина, Марина!
Жизнь — не след по ковру...
Карнавальное Рио
Не поможет: помру!

Жил я песней, р-р-ра-ботой —
Это был м-мой «узор»!
Я тр-ру-дился до пота,
Так о чем раз-з-говор?..

Пил и пел. Было трудно.
Ум-ми-р-раю легко.
Не канючил занудно,
Что устал от плевков.

Пр-р-ро-па-даю один.
Н-ну и что же?
Я кругом в-виноват
и не рад.
И в-вину свою чувствую
кожей...
В-виноват, в-виноват, в-виноват!

Н-ну а сердце...
Н-не надо! Я России
нужней.
Мне Россия — отрада!
Я к России — нежней.

Зря, Марина, хлопчешь —
Сердце ты не возьмешь.
Слишком многого хочешь,
Слишком к-круто берешь...

— Я возьму! Я сумею!..
Мать на страже,
отец:

— Ишь, чего захотела!
Мы не «дарим» сердец.

— Там, в Париже, мы ближе:
Сердце рядом твое.
Боль когтит...

Ж-жалом «лижет»,
Знает дело свое!..

Хоронили с цветами!
Море — в море цветов.
Как молитву — устами:
— Вот теперь без оков.

На том свете вольнее,
А у нас не вздохнуть.
Там он будет смелее.
Не свобода тут — жуть!..

Да, вот так!
После смерти —
И слова, и цветы.
— Мне б при жизни, поверьте,
Больше слов — красоты!

Чтоб поэтом признали.
Уваженье, почет...
А меня изгоняли:
— Стих не плох, но... не тот.

Мне б при жизни признание,
Полевые цветы...
А не стоны-стенанья...
Где Марина? Где ты?!

Ты постой с монументом.
Бронзы блеск — это «грим».
Миг один! Айн момент!..
Твой ушел Пилигрим...

Глава VIII ПРЕКЛОНЯЮ КОЛЕНИ И КАЗНЮСЬ: ВИНОВАТ

*Мне меньше полувека, сорок с лишним,
Я жив, двенадцать лет тобой храним.
Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним.
Мне есть, чем оправдаться перед ним.*

*(Из последнего стихотворения
В. Высоцкого, посвященного Марине Влади,
написанное им за несколько дней до смерти).*

Много дряни скопилось,
Песней-жалом порву.
Мне эдемы не снились,
Где букеты нарву.

Пр-рохриплю я с мольбою,
Пусть я г-грешник-святой!
Я, Марина, с тобою
Потому и живой.
Ты двенадцать хранила
Лучших творческих лет.
И любовь не остыла —
Жив актер и поэт!

А уедешь, покинешь —
Неприменно помру!
Душу-ношу не скинешь —
Смерть красна на миру.

Да, не вечно земное,
Не помог талисман.
Жизнь не знает покоя,
Сердце чует обман.

И в страданиях и бедах
Я один виноват!
(Помолчим о победах,
Кто победам не рад?..).

Мне все время хотелось
Песен ворох напеть.
Оттого мне и пелось,
Н-но... пришла за мной смерть.

Ж-жизни нер-р-в, чую, пор-р-ван,
Кр-ро-во-точит, стервец!
Г-г-голос пением сорван,
Знать, «испелся» певец.

Пел не гимны и оды
И не светскую чушь...
Я п-п-плев-вал песней в «морды»
За отсутствие душ.

Ты, Марина, святая!..
А я — грешник - хитрец.
Ты — душа з-з-золотая
И жена - молодец!!!

Пр-р-равда спета без смеха,
Как она ни горька!
Кривда ей не помеха,
Как она ни ловка.

Выжму пот, лезу буром...
Рядом — съемка, экран.
За с-спиной с-слышу:
— Д-дур-ра! Куда прешь на тар-ран?

Преклоняю колени и казнюсь:
Сам не рад!
Сколько надо терпенья!..
Виноват, виноват!..

Глава IX
ЛЮБОВЬ, ТВОРЕНЬЕ, ВДОХНОВЕНЬЕ,
НО ЕСТЬ ЕЩЕ И МАТЬ-СУДЬБА...

Но многих, захлебнувшихся любовью...

Не докричишься —

Сколько ни зови...

Им счет ведут молва и пустословье,

Но этот счет замешан на крови.

В. Высоцкий.

Не открою секрета,

А какой тут секрет?

Если нету дуэта,

А каков был дуэт!..

Мировая актриса!

Мировой бард-поэт!..

Шепоток за кулисой:

«Был дуэт — теперь нет».

Среди множества пар

Двух аналогов нет:

У одних жизнь — кошмар.

У других — роз букет.

Но... соседствуют в розах

И шипы, и цветы!

Жизнь не ветви мимозы,

Не пустые мечты.

Да простят Бога ради,

Из провинции глас:

— У Марины у Влади —

Персональный Пегас.

Топнет звонко копытом

И тревожно заржет:

— Кем могила открыта?

Кто в нее попадет?..

Жизнь!.. Не ценим мы жизни
Глядь — в костлявых коса...
Приближаем мы тризну.
И — прощай, жизнь-краса!

Ты за сына страдала
(Был юнец наркоман),
Но... спасла! Удержала!..
Я-я-а пошел на «таран».

Не о рельсы же биться
Иль о столб головой...
Знать — судьба! Так случиться
Может с каждым... Со мной.

Виноват я, Марина!
И никто мне не рад!
Засосала трясина —
Затянула и — в ад.

Что наветы-сужденья?
Сам себе самосуд.
Дружен был с вдохновеньем...
Это скоро поймут.

В горделивом молчаньи
Бард-поэт и актер
Помнит слезы прощанья,
Молчаливый укор.

Пусть земля охладела,
И оглохла душа.
Делал доброе дело —
Песнь всегда хороша!

Жизнь устроена круто:
Кто — богат, кто — горбат.
Голод... смерть... Они «тута».
Кто же кладбищу рад?!

Но не русским Иванам
По плечу шиковать,
Чтоб шампанское в ванны
До краев наливать.

Я трудился без лени,
Хоть страдал, но творил.
Бард-поэт, пусть не гений,
Я искусство любил.

Мое время настало,
Умирать мне пора.
Моя Муза устала —
Вполнакала игра.

Погибают «talанты» —
Блекло-липкая моль.
Вслед за нею — гигантам
Собираться изволь.

Пусть Марина не плачет,
Я пред ней виноват.
Черный ворон не крачет —
В рай уйду или в ад.

Смерть снимает проблемы,
Обрубает концы.
Нет вихрастой дилеммы:
Молодцы?.. Подлецы?..

Всех стрижет без разбору
Под нулевку — ноль-ноль!
Жалит всех очень скоро —
Умирать, вот, изволь.

Жить в роскошном Париже,
Не судьба: не хотел.
Мне — асфальт где «пожиже»,
Где российский предел.

Был я смел... Отчаюга!
Перед публикой чист.
Чист, как русская вьюга,
Бард-поэт и артист.

Знаю, будут проклятья,
Пересуды, укор...
Нет, не все люди братья.
Так, пустой разговор.

Знать, Земля поостыла
И — остыла любовь.
Жизнь «ключом» меня била
И гоняла мне кровь.

Проклянут после смерти
Те, кого разлюбил.
Всех сдают, мне поверьте,
После смерти в архив.

Забывают о слабых,
Кто душой совсем хил.
Помнят смелых и бравых —
Те минуют «архив».

Буду петь после смерти
В компактдисках живых.
Буду петь!.. Вы мне верьте!
Я любил вас, родных!..

Глава X Я ПРОШУ ВАС...

*Россия есть у каждого своя:
Свои леса в ней и свои поляны,
Свои враги в ней и свои друзья,
Свои у всех на будущее планы.*
С. Орлов.

Люди добрые! Ждите!
Я клянусь! К вам приду!
Вы ко мне приходите
Хоть разочек в году.

Положите цветочек
Понежней-голубой.
И Руси уголочек
Будет рядом со мной.

А на Пасху — яичко
Мне на холмик — бугор.
Так-то будет приличней:
Я ведь бард, а не вор.

И возьму я гитару
Да спою, чтобы жгло!
И поддам ж-жар-ру-пару,
Чтобы зомби назло.

Чтобы кр-реп-че любили
Свою Родину-Русь!
И поменьше чтоб пили...
Если бились — не трусь!..

К сердцу женщин цветами
Устилали бы путь,
Чтобы май в сердце таял
И томилась бы грудь...

С песней, новой и старой,
Я приду к вам, друзья.

Я вернусь с звон-гитарой —
Мне без песен нельзя!

За Самаркой, за Волгой
Цвел рассвет и манил.
Буду жить долго-долго!
(Жаль, что мало я жил!..)

Хоть прощался навечно,
Мне колеса — тук-тук...
Били сталью сердечно —
Бузулук, Бузулук...

Говорю вам, Владимир,
Боевой, озорной.
Нет, совсем я не умер —
В песнях вечно живой!

На Татьянин родился,
На студенческий день.
Вот и в барды сгодился —
Молодым петть не лень.

Мне гадалка гадала,
В руки карты брала.
Всю мне правду сказала!
Нет, она не врала.

— Твой январь двадцать пятый —
День рожденья хорош!
Но в июль с этой датой
Ты два раза умрешь.

Точно! Так оно было!
В первый раз — в Бухаре.
Через год повторило...
На московской жаре.

ВОРОНЦОВСКАЯ БЫЛЬ (Воспоминания детства)

*Я душой не забыл ни в Москве,
ни в Париже
Воронцовскую боль, Воронцовскую быль.
Жаль, асфальта там нет и дома чуть
«пониже»,
С полевыми цветами полынь да ковыль...
В. Высоцкий.*

Я вернусь к вам, конечно,
В юбилейном году.
Повстречаюсь сердечно,
С песней в гости приду.

Моей улице — званью
Сердцем я поклонюсь.
За такое признание
Я люблю тебя, Русь!

Не успел в песнопеньях
Воронцовку воспеть —
Не всегда вдохновенье
Позволяет «попеть».

Слишком много «горячих»
Точек было во мне.
Призрак славы маячил,
Жил я, как на войне.

В Воронцовке гитару,
Как судьбу, повстречал.
Наддавал жару-пару,
Хоть и был очень мал.

Здесь в военные годы
Был наш первый приют.
И страданья-невзгоды
Узнавали мы тут.

С ребятней воронцовской
Дружно, весело жил.
Но вот песни бойцовской,
Каюсь, им не сложил.

Был там казус «фартовый»,
Н-ну, почти анекдот —
Жмых стравили спиртовый,
«Веселился» весь скот!

Воронцовка дрожала
И от смеха тряслась.
А скотина... плясала,
Танцевала свой «вальс».

Нам нередко, но «метко»
Зубы скалила смерть.
Но мы плакали редко —
Был приказ: «Не реветь!»

Грусть-тоска —
враг-помеха.
Убивала она.
Было нам не до смеха.
Что ж, война есть война!

Занесло лихолетье
Москвичей в этот край,
Где и трав многоцветье,
Где и песенный рай!

Приютили, согрели,
Как могли — помогли!
Часто сами не ели —
Детям, нам, берегли.

Царь-картошка, царь-тыква,
Свекла-царь, царь и жмых...
Я меню «мадам Хрюквы»
Уложил в этот стих.

Как ни трудно, а пели!
А несчастья — в кулак!..
За два года сумели
Закалиться в-вот так!

И в Москве, и в Париже —
Я везде побывал!
Но душе моей ближе
Воронцовский закал!

Я в «раю» не гуляю,
Не бываю в «аду».
Юбилей свой встречаю...
В Бузулукском саду.

ПЛАЧ ГИТАРЫ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

— Где мой бард, поэт родной?
Где ж он, в самом деле?
С моим сердцем непокой —
Струны на пределе.

У Владимира была
Гитара семиструнная.
И такие вот слова
Пела в ночь лунную:

— Нам цыганка нагадала
И сказала шепотом:
«Впереди казенный дом
Да пустые хлопоты».

Золоти — не золоти
Ручку у цыганочки —
От судьбы ты не уйдешь,
От постылой пьяночки.

Плачь, струна моя, печаль,
Звонче пой на зорюшке!
Улетело счастье вдаль,
Нету и зазнобушки.

Кони-звери у цыган...
Уноси, залетные!
Где наш табор — балаган?
Жизнь-то — мимолетная!

Распрощались навсегда!..
Я — твоя грустиночка.
Не сведет нас никогда
Ни одна тропиночка.

Говорила: много пьешь,
Сатане ты молишься..
Слишком рано ты умрешь,
Коль не остановишься.

— Спой, гитара, напоследок!
Ты ж такая умная!
Знать, не тот я выбрал след,
Хоть ночь такая лунная!..

БАЛЛАДА О ВЛАДИМИРЕ ВЫСОЦКОМ

*... Чуть помедленнее, кони,
чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть.
Чтой-то кони попались мне
привередливые...
В. Высоцкий.*

1

Может, ты увидал
вороних в Воронцовке
И потом о них песнь
на Таганке запел.
А теперь ту балладу
подхватят потомки,
Допоют то, что сам
ты допеть не успел.
Пр-ривередливы кони,
пр-ри-вередливы кони!
Их нельзя без конца
в пр-ропасть черную гнать.
Жил Владимир Высоцкий,
словно шел от погони,
Вороних тех коней не
догнать, не поймать!..
З-звонкий цокот копыт
в крае нашем услышал.
С гривой черной неслись
воронье в степь-даль,
Но с годами слабел топот...
тише и тише...

И закрыла коней
 темной ночи печаль.
Но от песен твоих
 небо шире и выше.
И проселки в полях
 убегают в века.
С хрипотцою баллад
 ты в народные вышел,
В них — народная боль
 и любовь, и тоска.
Где бы ни жили мы,
 все мы родом из детства.
Наше детство с тобой
 опалила война.
От тех яростных лет
 никуда нам не деться,
Как тавро выжигала,
 клеймила она.
Но не в этом беда,
 говорим мы нередко.
Нас сроднила судьба —
 в этом главная суть.
На войну ты плевал,
 ты, здоровый трехлетка.
Жаль, что лет воронцовских
 назад не вернуть.
Как на жатву,
 на фронт уходили уральцы,
Край родной защищали
 в боях мужики.
Их за горло хватали
 костлявые пальцы,
Не согнулись —
 стояли мои земляки!
Шли к Берлину с боями
 натруженным шагом.
А в глазах синь-тоска
 по родной стороне.
Кто могилу нашел.
Кто — медаль «За Отвагу»...

Поклонись же, браток,
Тем, кто пал на войне.
Гитлер нас не сломал —
 не осилил державу.
В порошок нас не стер
 и в печах не сожгли.
Что ж вы, кони,
 стучите подковою ржавой?
Или славу свою растеряли в пыли?!
Бард-поэт не забыл
 ни в Москве, ни в Париже
Воронцовскую боль,
 воронцовскую боль.
Пусть асфальта там нет
 и дома «чуть пониже»,
С полевыми цветами
 полынь да ковыль...
Как тебя не хватает,
 Высоцкий Владимир!
Ты теперь не такие бы песни пропел.
Сколько дряни вспороли
 мещанского мира!..
Встал с гитарой поэт
 да на все посмотрел...
С чем боролись всю жизнь,
 мы на то напоролись.
И «вкушаем лапшу»
 демагогов-отцов:
«Ускоренье, прогресс,
 новый курс — новый «полюс»,
«Социализм подзавяз»
 с человеческим лицом»...
Кто-то коброй над золотом
 хищно склонился
И зловеще раздул
 «воротник-капюшон».
С партбилетом в кармане
 он Богу молился,
Чтоб никто не слышал
 металлический звон.

Кто др-р-раконом живет,
взятки тысяч считая,
И ж-живет с перекошенным
жадностью ртом.
Свои книжки-сберкнижки
только он и читает,
У него этой «классики»
много притом...
Гневный звук твоих струн
вряд ли сытых коснется.
Бога им не понять —
так оглохла душа!
Совесть, честь отомрут —
мир тогда содрогнется,
А такая-то «жизнь»
и не стоит гроша.
Как дошли до такой,
извините, до «ручки» —
Жить и править продажный,
неправедный бал?!
Никогда б не прошли
эти самые «штучки»,
Если б вольный народ
вновь хозяином стал.
Если б кони твои
чуть помедленней были,
Не стегал вороных
и не гнал во всю мочь.
Не промчался б в житейской
отравленной пыли,
И с гитарой своей
ты не канул бы в ночь.
Кто с талантами — смерть тех
скорее находит.
Ее «сервис» такой, чтоб таланты
губить.
Полпути не пройдя,
уж с «дистанции» сходят.
Злых, коварных жалеет —
не хочет губить.

Пусть тебя суперменом
считают, кумиром,
Вокруг песен твоих —
суета из сует...
Отпустите вы душу
спокойно и с миром —
Свое время воспел
бард, актер и поэт.
Мир велик. Мир и мал.
Удивительно тесен!..
Звездный час твоих песен
теперь лишь настал.
Ах, побольше бы их, этих бардовских песен,
И поэтов живых,
не отлитых в металл!

**К ОТКРЫТИЮ ПАМЯТНИКА
ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ
И МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ АЛЕКСЕЮ
ФАТЬЯНОВУ В МОСКВЕ**

*Поэт в России больше, чем поэт.
Е. Евтушенко.*

Раскинув крылатые руки
Над Русью святой, над Москвой,
Стоит он, вбирая все звуки,
С гитарой родной за спиной.

Застыл в историческом месте,
У самых Петровских ворот.
Поэт удостоился чести —
На памятник смотрит народ.

Случаются все-таки были
(Мечтал он об этом иль нет?)
Но памятник вечный отлили,
Его заслужил бард-поэт.

В слегка хрипловатых балладах
Слились и тоска, и мечта.
Не думал о зряшних наградах:
Награды дают неспроста.

При жизни-то «косточки мыли»:
Такой-рассякой «хулиган»!..
Теперь вот «по-царски» простили —
Развеялся чад и дурман.

Всегда на Руси так и было:
Бей боем всех пишущих! Б-бей!..
Но время глаза приоткрыло —
А бьем-то своих «голубей»...

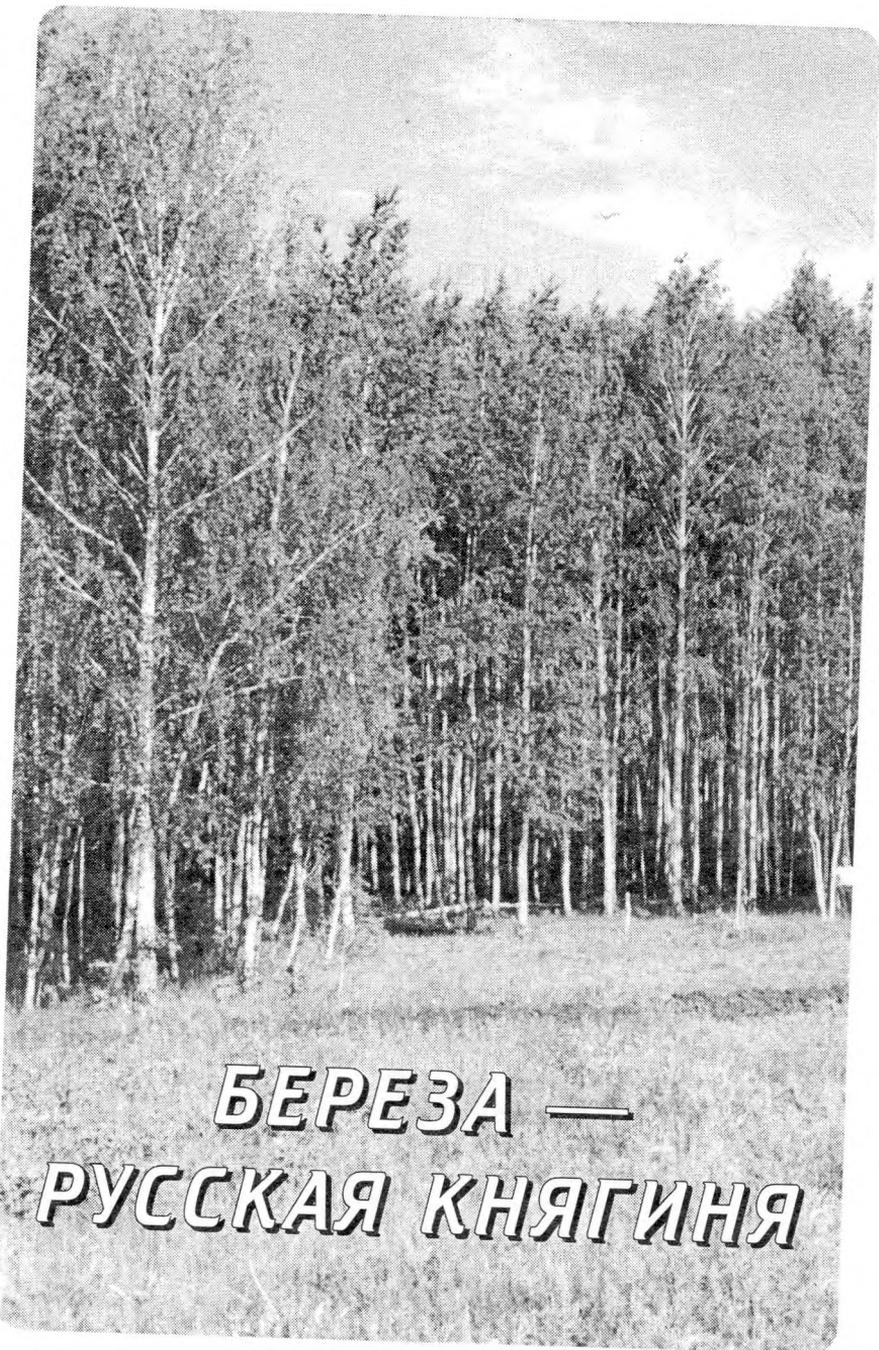
Литбоссы, литпрессгенералы
В «обоймах» сражаться ловки:
— Поэзии мало! — кричали. —
Не могут писать мужики.

Воскресе Высоцкий, Фатьянов —
Взял в сердце их песни народ.
Не критик, не тип полупьяный,
А тот, кто их песни поет...

Алеша Фатьянов от Бога
Поэт и в душе — музыкант.
Оставил он песен нам много —
Талант — он всегда есть талант.

Пылятся на полках годами
Громады ненужных стихов,
Где все есть — от Евы, Адама
И до отпущенья грехов.

Пылятся, от злости дымятся,
Что их не читают, не чтут...
А эти поэты гордятся —
Их песни поныне живут!

**БЕРЕЗА —
РУССКАЯ КНЯГИНЯ**

*Земля, я сын твоих берез.
Я землю русскую от недругов сберег.
Я отдал все, чтоб в рощах золотых
Во век не замолкали соловьи.*

*Земля моя, я сын твоих берез.
Березки белые от бурь я уберег,
Чтоб вечно снились Родины моей
Березовые сны.*

Т. Фере.

ЛЕТО

Лето краснощекое — знойный день с утра.
Небо синеокое — славная пора!
Прикатилось яблоком — щеки ярче зорь.
Прилетело облаком из-за синих гор.
В поле — солнца зайчики, колосится рожь.
В голубых фонтанчиках пляшет ливень-дождь.
В черных фраках шествуют по меже грачи
И кивком приветствуют жаркие лучи.
Лето-красномодница, васильки глаза.
Кружит, хороводится русская краса.
Золотится спицами солнца колесо.
Лето вдруг жар-птицею промелькнет
И... все.
Лето — песнь былинная,
звонче ее нет!
Сладко-витаминное, шоколадный цвет.

ОСЕНЬ

Ах, осень! Ты — печальница,
Тоскливая пора...
В полях, лесах молчальница,
С утра и до утра.
По осени осины
от холода дрожат.
С них золотой метелью —
осенний листопад.
А ветер — бедолага,
настырный «супермен»,
Сметает все в овраги,
всех бьет без перемен.
Седины-паутины
опутали кусты,
И стало сиротливо там,
где цвели цветы.
Березки-белоножки
не шепчут на ветру,
Стыдливо жмутся к кленам
От стужи поутру.
Опала и пропала
березок тех краса,
У каждой нежно-белой
была своя коса.
Морозко ветром стылым
На зорьке чуть дохнул,
Своей волшебной силой
Красу ковра смахнул.

РЯБИНЫ

Рябиновые зори, рябиновый закат.
В рябиновом уборе — рябины в один ряд.
Рубиновые кисти кивают на ветру.
Согласно-красно шепчут о чем-то поутру.
Малиновые зори — узорчатый платок.
Кует лихой морозец — не ломится ледок.
Остывший лучик солнца печален, робок, тих.
Потупил взор свой ясный застенчивый жених.
Платок пуховый — иней —
На плечи тех рябин.
Пусть ярче пламенеет сияющий рубин.
Слетелись свиристели, слетелись снегири
И весело хлопочут с зари и до зари.

ПОЭТУ

Не думай, вдохновенье — рядом,
И рифму ты возьмешь с «куста».
Не трать словесного заряда,
Когда душа твоя пуста.

Стих не «согнешь» за «шутки ради»,
Не испытав душевных мук.
Добудешь с «кровью» этот «радий»,
Когда за словом — сердца стук.

МНЕ СНЯТСЯ...

Зимою снятся маки полевые,
А летом — соболиные снега.
Зовут домой поля мои родные
И песня та, что с детства дорога.

Вся жизни истина — в пахучем вздохе хлеба.
И этот «вздох» я буду прославлять.
Мне снятся дом и каравай до неба.
Что на руках внесла родная мать.

И в хлебе том — поэзии истоки,
Рассветы, росы, золота лучи...
Возьми лопоту и намочи в протоке,
Где бьют студеные и чистые ключи.

Еще мне снятся летние покосы,
Июньские прохладные утра,
Ромашковый веночек, глаза твои и косы,
И крики перепелок: «Спать пора»...

РОЗА
(шутка)

В хрустальной вазе роза горделиво
Шептала жарко лепестками губ:
— Мне одиноко и тоскливо,
Но мне никто-никто не люб.

Я х-хо-лод-на, я неприступна.
Немею я от собственного «Я».
И мне земное счастье недоступно,
Всего дороже красота моя!..

Но жизнь жестоко жалит, даже... розу.
Ну разве кто подумать мог:
Увяла роза. Нет, не от мороза.
Да! Замуж вышла за... чертополох.

ВАЛЬС ВЫПУСКНИКОВ

Хороши вы, июньские ночи,
Ночи звездные, вас не забыть!
Бал веселым прибоем грохочет...
Кто из нас дружбы верной не хочет? —
Вместе будем кружить и дружить.

Припев:

Танец бальный, чуть печальный,
В небе звезд ночных полет.
Вальс последний, вальс прощальный,
А с рассветом — нам в поход.

Словно вешней водой детство смыло,
Юность следом торопится вдаль.
Детство... Юность... Все было, все было,
А теперь — улетело, уплыло...
Что прошло — то становится жаль.

«Дружба, верность, любовь остаются!» —
Дал наказ выпускной вечер-бал.
В вальсе пары по кругу несутся...
«Звезды тоже от счастья смеются», —
Нам учитель с улыбкой сказал.

Ждут нас новые в жизни дороги,
Счастье верное — битва в пути.
Перевалы, крутые пороги,
Беды, радости, сердца тревоги
С этим вальсом мы сможем пройти!

Не грусти, улыбнись на прощанье,
вспоминай эти дни, вспоминай!
Пожелай исполненья желанья,
Не страшит нас и даль-расстоянье,
Новой встречи нам всем пожелай.

БЕРЕЗА — РУССКАЯ КНЯГИНЯ

Березы образ вдохновенный
Излечит (верьте — испытал).
Настой из почек пью отменный
И... вновь двадцатилетним стал.
Березы лик — очарованье!
Стихами пой, пиши роман.
На статью и грацию вниманье,
На белый русский сарафан.
Послушай листьев нежный голос —
То русской лиры славный звук!..
Звенит пшеницы в поле колос...
До слез родное все вокруг.
Береза — русская княгиня.
Коса, сережки, а глаза!..
Как у загадочной богини, —
Лазури синь и бирюза.
Стройна береза, величава,
Стремит вершину к небесам.
Она на то имеет право —
Манит березу к чудесам.
Береза — жрица и... богиня,
Старинный русский талисман.
У предков наших — Берегиня:
Изгонит боли, злой дурман.
Замри!.. Вершины шум услышишь.
Прибоя шум — то шум весны...
То — волшебство! Почти не дышишь!..
Цветные сказочные сны!..
Коснись слегка щекой березы,
К стволу чуть ухом прислонись —
Она поет, роняя слезы, —
Из парадоксов наша жизнь.

Березы — мрамора колонны
Нерукотворных стен дворцов.
Они — российские мадонны —
И ждут есениных-творцов...
Любуйся грацией березы
И в изумленье оглянись —
Весенний бал!
Утри ей «слезы» и в вальсе русском закружись.
Двадцатый, «нервный», на излете.
Понатворил! Поналомал!..
Века березонька в почете —
России нежный идеал!

СМЕХ

Я так давно не слышал смех,
Задорный, сладкозвучный смех.
Упругий, круглый, как орех,
И легкий, как пушистый снег.

Но... хмуры и унылы лица
(от взглядов скиснет молоко).
А мне бы радости напиться,
Да радость, видно, далеко.

Привыкли как-то без зарплаты,
Без пенсий можно, вроде, жить.
Да что-то скучно мне, ребята,
По-волчьи хочется завывать.

В войну крестьяне-то, бывало,
С «Катюшей» — в поле... Как урок!
Хоть горе всех одолевало,
Но с поля — хором «Огонек».

Бренчат копейки «едовые».
Жена, как глаз НКВД.
А где достать мне «гробовые»
На гроб, поминки и т. д.?

Давным-давно не слышал смех!
Он — что хрусталь, живой родник.
Смеяться, право же, не грех.
Смех — детства нашего дневник.

Ругаем жизнь, вождей клянем,
Клянем проделки Сатаны!
Без смеха муторно живем,
Как в годы черные войны.

Я так давно не слышал смех,
Румяный и лучистый смех.
Искристый, как весенний снег,
Один счастливый и — на всех!

Хоть на себя в трюмо бы глянуть —
Вдруг, как пасхальное яйцо?
Но... в ужасе пришлось отпрянуть —
Стаж «простокваши» налицо.

АПРЕЛЬСКИЕ БЕРЕЗЫ

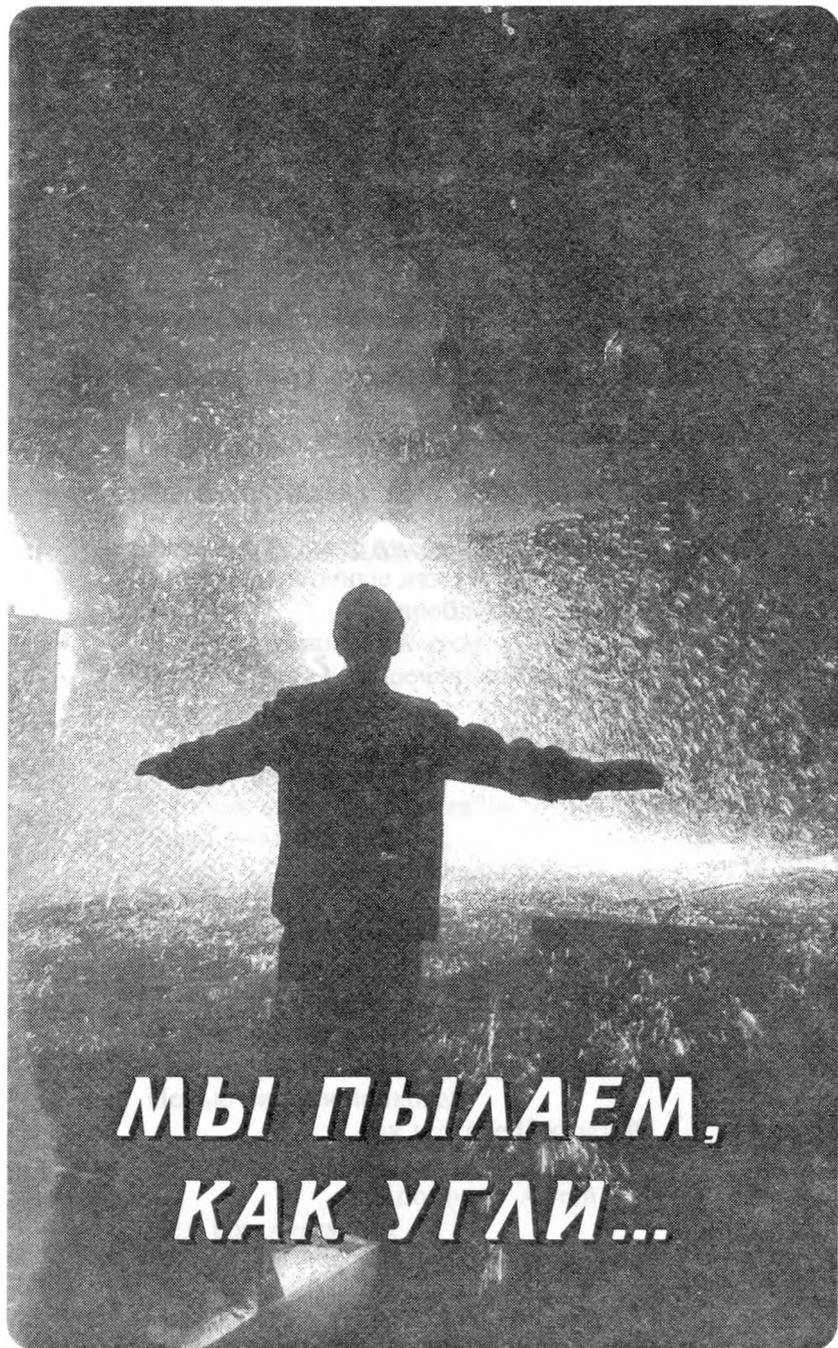
Раннею весною плакали березы,
Тихо проливали сладостные слезы.
Слезы возрождения солнечного света,
Слезы возвращения песенного лета.

Видели березы бури, ливни, грозы,
Снежные метели, жгучие морозы...
За межой, за пашней, за песчаным бродом
Собрались березы светлым хороводом.

И хозяйкой свадьбы солнце ликовало,
С белых сарафанов слезы вытирало.
Сыпало, дарило золото Самаре,
Голова кружилась в радостном угаре.

Улыбались травы и дышали пряно,
Бор вдыхал всей грудью
Дух апрельский, пьяный...
Гимн весне и солнцу

птицы исполняли,
И катилась эхом песня над полями.

***МЫ ПЫЛАЕМ,
КАК УГЛИ...***

*Поэт в России – больше, чем поэт,
В ней суждено поэтами рождаться
Лишь тем, в ком бродит
гордый дух гражданства,
Кому юта нет, покоя нет.*

Е. Евтушенко.

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ

Я горел над строкою
и вскипал на износ.
А что будет со мною —
я не ставил вопрос.
Муки века — мне в сердце.
Катаклизмы — во мне!
А куда от них деться?
Вот — сгораю в огне.
Мне сверхпрочные латы
от проблем бы иметь.
Я — взлохмаченный атом,
обреченный на смерть
За державу обидно:
сник, повержен народ.
Злу конца и не видно...
Кто нам скажет: «Вперед?!»
Беды — мощные лавы,
что обвалы в горах,
И горят ферросплавы,
превращаются в прах.
Не берег свои силы,
думал, все я смогу!
Эх, наивный и милый! Ж-жизнь
такое «рагу»!..
Цепью рифм я прикован,
как к скале Прометей,
Верткой рифмой изломан —
не поможет Антей.
Не о розах-мимозах
в своих песнях звенел.

ПАМЯТНИК

Не создал памятник себе нерукотворный,
Не топчется к нему народная тропа.
Не вознесется, зная, главою непокорной
Он выше телеграфного столба.

Не заслужил! Хоть отдал сил немало.
Из рифмы, к слову, шубы не сошьешь.
«Заслуженный» — не всем, кому попало!
Смирись, браток: на пенсию живешь.

Три бруса в перекрест. И все. Финита!
Из глины холмик. Фото, даты есть!
«Здесь прах покоится «негромкого» пиита»,
А по заслугам воздается в жизни честь.

Живи сто лет, а помирать придется.
Не молодость, а старость впереди.
С косою старуха мрачная плетется,
Ее «укусов» каждый день и жди.

Я никого напрасно не обидел
И по миру с сумою не пустил.
Возможно, ангел мой все это видел,
И Бог крестом меня благословил.

Когда зима с суровою печатью
Пожалует и «тиснет» прямо в лоб,
Вдруг мысли вспыхнут тяжкие, с печалью.
И «однокомнатная» приснится — свежий гроб.

Я капиталов вам не завещаю:
Учитель! Ну, какой там капитал!

Зарплату, если будет, обещаю.
И то долги еще не все раздал.

Друзей прошу, чтоб ликом не скорбели,
Не хмурили в изломе с горя бровь.
Еще прошу, чтоб песню мне пропели,
Барыкинскую песню про любовь.

Цветов букет! Я слушаю, внимаю.
Мне б полевых с росинками на гроб.
Нектар, пыльцу... (О прошлом вспоминаю).
Потом пусть молот выбивает дробь.

А если голоса у вас для песен нету,
На плечи — смерть. Лишь об одном прошу:
Скорей поставьте Сашину кассету
О женщине, которую люблю.

Плиту, гробницу, памятник не надо!
Зачем вериги, тяжести желез?
Не ставьте и ажурную ограду —
Огинского включите Полонез.

Поет душой солист — моя отрада,
Барыкин Саша — первый мой певец!
И полонез Огинского — награда!
А для меня — достойнейший конец!

Прошу друзей: не пейте зелье-водку,
В ней не топите сизари-носы!
Сгубила нас змеина-подколодка!
Жизнь прожили, не ведая красы!

А детям, внукам что я завещаю?
Не плакать горько, помнить много лет!
На холмик мне (я этого желаю)
Ромашек белых положить букет.

Гоню к финалу свой велосипед.
(О чем я Провидение молил?) —
С росой цветы, чтоб подарить букет
Той женщине, которую любил!..

На коврике — пантерой
 иль тигрицей...
Какая тут работа? Три нуля!
Мне с горя или с радости
 напиться? —
Французская фигурка, о-ля-ля!

С лопатой — нет!
Лопата ей до «фени».
Купальники меняет каждый день.
Массирует то бедра, то колени...
Банально: тень наводит на плетень.

Я глаз вострю — супруга
 моя злится:
— Ты что «увял»?
Марш вкальвать! Трудись!
Не хочешь ли с соседкой подружиться?
Тогда-вон с дачи!
Прочь домой катись!

— А я при чем?
Закрой соседке бедра,
Накинь халат. Иль талию ругай.
Соседка «спит»...
Виль-виль «хвостом»
 так бодро,
А я за это шишки получай.

Ну, думаю, не выдержу атаку,
Соседка явно «целится» в меня.
А вдруг жена устроит
 бучу-бяку,
Плюс из квартиры
 выставит меня?!

Закончилось все это
 прозаично:
Приятель с ней,
Ну, а со мной — дурман.

И пашут. Пашут до упора!
Авось оценят те,
кто там сидит в Кремле...

Мой «интеллект» — для заступа-лопаты.
Кидай подальше
и ровняй отвал!
Но я поистощал. Уж голос хрипловатый,
И как бы я конечки не отдал.

Для сноба-дачника
смотрюсь я неприлично.
«Прикид» на мне — «созвездие эпох».
В лесу безлюдном выгляжу «прилично» —
Для Робинзона я совсем не плох.

Я не читаю книги и газеты,
ТВ забросил, карты, домино.
Детей не вижу. Есть они иль нету?
Лет семь назад однажды был в кино.

Мне — деньги!.. Вон как
цены лихо скачут!
От диких цен всем косоротит рот.
От цифр, нолей богатые
уж плачут.
А голь-народ белугою ревет.

А мне хоть что! Я ценник свой имею.
Гоняю цифры. «Присобачу» нуль.
Я каждый день навар большой имею
И волоку с базара денег куль.

Зачем взял дачу? Вот теперь и каюсь.
Не моюсь и не бреюсь, не стригусь.
Хоть каждый день я потом умываюсь —
Не узнают соседи: «Что за гусь?!».

С землей «накувыркаюсь»
я «отважно»,
Потом три дня никак не отдохну.
Жена ночами жметя, шепчет нежно...
Лежу, как мерин, я:
ни «но», ни «тпру», ни «ну»...

Копая землю, а в глазах
все мушки,
Разводий желтых вспыхивает круг.
«Пахать» лопатой — это не игрушки!
Возьми, «поупирайся», милый друг.

Сосед на «Жигуленка» в год «собачий»
все торговал.
Чуть-чуть не дотянул.
Хотел доторговать в год «пороссячий» —
На грядках прямо ноги протянул.

Да, жизнь крута. Тут истина
банальна:
Включился в цикл — надел тяжел хомут.
И сам господь придумал гениально:
Ад — на «том свете»,
ну а дача — тут!

На воздухе божественны обеды!
Вспахал две грядки — волчий аппетит.
— Скорей неси покалорийней «еды»!
Без аппетита тут же улетит.

И все же благо, кто имеет дачу.
Жил «обезьяной» — стал я человек.
Бывает, что на даче тихо плачу,
Но с дачей породнился я навек.

ГДЕ ТЫ, ПТАХА ЗВОНКАЯ?..

Где ты, птаха звонкая, соловей-соловушка?
Спой нам о Есенине, золотой головушке.
С колоколен слышатся не удары медные —
Голоса чугунные: церкви стали бедные.
Прилетело черное, прикатилось времечко —
Хмурые, покорные, скорбно чешем темечко.
Устилаем жертвами поля-земли бранные,
Все кладем головушки да небесталанные.
Вороги да вороны — чужеземья сила —
Тянут во все стороны — Русь перекосило.
Годы беспокойные, смутные, таранные,
И свистит соловушка песни окаянные.
Песни панихидные нам в укор — соловушка:
«Что же ты, Россиюшка, буйная головушка?!».
Русь, зело разгульная, промотала силушку.
Долго, окаянная, пела ты «Дубинушку».
Выпью ль с горя-радости, выпью ли с похмелия,
В жизни мало сладости, нет причин веселия.
Не читает публика книги эпохальные.
Ей подай, как бублики, порно-криминальные.
Стала вдруг Россиюшка жалкая, покорная.
Знать, сломила силушку сила «забугорная»...
Где ты, птаха славная, где ты, звень — соловушка?
Спой нам о Есенине, золотой головушке!
Воссияет заново, будет Русь великою!
Встанет в рост с Есениным, с славой солнцеликою!

МОЙ КРАЙ

Мне дорог с детства
Оренбургский край!
Чем приковал? Какой он держит крепью?
Не нужен фантастический мне рай —
Дороже небо с журавлиной цепью!

Ах, журавли!..
Тянусь я к вам с земли —
Крыла коснуться вашего рукою.
Неблизкий путь. Курльчите вдали...
Нет, не зовите нас с собою.

Дугу прочертит, падая, звезда —
Вдруг вспыхнут в небе огненные строки.
И, догорая, гаснут навсегда —
У звезд свои космические сроки.

Не замечаем лет своих и дней.
Они бегут, уходят невозвратно.
Весной встречаем прежних журавлей,
А годы не вернуть свои обратно.

Какой цепочкой удержать себя?
Быть может, этой журавлиной цепью?..
Летит по небу и зовет меня
Умчаться следом оренбургской степью.

Ах, степи, степи! Вы — моя судьба!
С раздольем вашим нет, я не расстанусь!
У каждого — заветная звезда.
Я с вами, степи милые, останусь!

БАЛЛАДА О ДЕФИЦИТЕ

*Не воскресить ее слезами,
Печалью не измерить боль.*

I

Женщина в палате умирала.
Говорят, могли б ее спасти.
А в приемном горько дочь рыдала
И шептала: «Мамочка, прости!»

Не смогла достать, что ты просила,
На лекарство кончился «лимит»...
Есть преступно-роковая сила
В этом гнусном слове — «дефицит»!

Жизнь, что смерч, где каждодневно стрессы:
Старший — за Афган, а младшенький — в Чечне...
Вот и сердце не спасли «компрессы».
Плюс «букет» болячек по весне.

В жизни есть запрятанное жало.
Враз ужалит, как слепой свинец.
Женщина в палате умирала:
«Знать, судьба. Пришел ее конец»...

Ты, «совок», еще не настрадался?
Раньше — кумовство и «жирный» блат.
А теперь — «царь-рынок». Ты попался!
Рынок нам и кум, и брат, и сват.

Есть на рынке. А в больнице нету.
Так ступай, коль блат тебе не брат.

Поторгуйся. И потом монету
Покруглей гони и будешь рад.

Пан-барышник знает свои цены.
Ценник ГОСТа для него — блезир.
Рынок — демократов перемены.
Он на рынке — главный командир.

Есть преступно-злое в слове этом,
В подлом, мертвом слове — «дефицит».
Хочешь жить, выкладывай монету,
Пока гвоздь последний не забит.

Женщина в палате умирала, чуть дышала
И... предсмертный стон!..
Медсестра... та слезы утирала,
Не сдержался врач и вышел вон.

Размолола каменная челюсть,
Погасила слабую свечу.
Смерть с косой всегда «имела смелость»...
Нет! Такой я смерти не хочу!

ИСПОВЕДЬ ВЕТЕРАНА

*Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
С. Есенин.*

Быть тому! Мы тоже понемногу —
В ту страну, где тишь и благодать.
Прав поэт: пора и нам в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Велики потери. Рано — рано!..
Кто — на марше, кто погиб в бою.
В реденькой шеренге ветеранов,
Замыкая строй, и я стою.

Нет давно друзей вперёдсмотрящих.
Не вернуть их. Не подать руки.
«Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски».

Точная, по компасу, дорога
Род людской — пчелиный сладкий рой.
С миром ухожу. Изведал в жизни много
Смертный рядовой и не герой.

Люди, вы меня не обессудьте:
Душу — настезь. Сердце — из огня...
Лю-ю-ди! Я любил вас! Не забудьте,
Этот стих не только «про меня».

Тяжела, крива, горька судьбина.
Несть числа кровавых, тяжких бед!

На челе Россиюшки морщины,
В рай иль ад из горя выстлан след?!

На «том свете» золотой, осенний
На себя надену я венец,
Встречу и скажу: «Привет, Есенин!
Вот и увидались, наконец»...

Мчится тр-р-ройка с заполошным кр-р-риком:
— Э-эй, р-род-ные! Покажите пр-рыть!..
Так горжусь, что на Руси великой
Мне судьбой отмерено прожить!

А в душе — сиреневые годы.
На губах — ромашковая пыль.
Унеси ты, ветер, все невзгоды,
Возврати малиновую быль!..

Ухожу со светлой, легкой думой:
Отдал все. И песни я сложил.
«И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил».

ПАСЕЧНИК ФЕДОТ И МЫ (шуточная песня)

Мы не поедem на Багамы и Канары —
Своей экзотики хватает и чудес.
На золотом песке, на берегу Самары
Мы загораем, а за медом — к деду в лес.

Припев:

Деньги-деньги, мани-мани!
Ветер-свист у нас в кармане.
«Деревянных», «баксов» нет — как нет!
Берег дальний сладко манит —
Вдруг, как море, он обманет?
Шторм крутой понатворит нам бед.

«По заграницам нечего мотаться,—
Сказал с улыбкой пасечник Федот.—
Тут — женихи. Зачем вам иностранцы?—
Касаточка гнездо в России вьет».

Припев:

Мы не канарочки, мы не багамочки,
Но кожа у нас тоже — шоколад.
А мы — уралочки да россияночки
И в шоу «мисс» и мы — в алле-парад.

Да если б мне... (Там бабка не «шпионит»?)
Убрать годков ну, эдак, 35-ть —
Сыграли бы в горелки «кто догонит»? —
Поймал какую — стал бы целовать...

Припев:

Мы на Багамы и Канары не поедem —
«Зеленых» нет. Кто примет нас «за так»?
В сосновый бор, на пасеку мы к деду:
Федот — поэт, волшебник и чудак.

Припев:

«По заграницам нечего мотаться,
На пасеке тут рай, — сказал Федот. —
На кой вам ляд все эти иностранцы?—
Касаточка гнездо в России вьет».

**РОМАНСЫ,
ПЕСНИ**

*Когда б ты знал, что эти звуки,
Когда бы тайный их язык
Ты чувством пламенным проник...
Тогда б душа твоя, немея,
Вполне бы радость поняла,
Тогда б она живей, вольнее
Родную душу обняла...*

Д. В. Веневитинов.

Ну, целуй меня, целуй...
С. Есенин

Ну, целуй меня, крепче целуй!
Хоть до крови целуй, хоть до боли.
Свежесть губ твоих, огненность струй,
Обжигает, пьянит и неволит.

В небе темном, загадок полна,
Нам луна что-то сонно бормочет.
За любовь! Пьем до дна, пьем до дна,
А любовь уходит и не хочет.

Ну, целуй! Страстно, нежно целуй!
Хоть до крови целуй, хоть до боли...
Но с судьбою, мой друг, не балуй! —
Не минуешь предсказанной доли.

Опрокинута чарка вина...
Кружев скатерти красные нити.
Нам герань дышит негой с окна —
Мы в безумстве любовных открытий.

НЕ ОСУЖДАЙ

Холодным взглядом,
стылостью презренья,
Ты не казни — уйми свою печаль.
Лишь вспоминай счастливые
мгновенья,
Что унеслись от нас куда-то
вдаль.
Приходят к нам безумные
желанья.
И мы безвольны, мы
ослеплены.
Горят и гаснут светлые
мечтанья,
Как свечи, что случайно
зажжены.
За все мы платим в этом
мире грешном —
Любовь, измену надо
пережить...
Зачем винишь судом своим
попешным?
Любовь ушла, ее не вернуть.

РОМАНС О РОМАНСЕ

Романс старинный —
нет, он не умрет.
Романс старинный —
это чьи-то муки.
До времени он молча в нас
живет.
И вот пою, страдая
от разлуки.
Нахлынут думы — вспомнится
все вновь
Бессонными холодными ночами.
Была, была без памяти любовь
С безумными, горячими
речами.
Молчи, гитара, в горести
молчи.
Не исторгай надрывно свои
звуки.
Тебе не выплакать,
Не выплакать в ночи
Страданье, боль и яростные
муки.
Я уходила — ты не удержал.
Беспечно лишь смеялся надо
мною.
Кто сам страдал, страдая
и сказал:
Ничто не вечно (ах, не вечно!)
под луною.

ПРОСТИ

Прости! Пришла осенняя пора.
Что было-не было, то свято.
Теперь лишь грусть вечернего заката,
И не вернуть нам свежести утра.
Не возродить нам вешнего утра,
Не позабыть и прежние потери.
Или уйти от них — по крайней мере —
Несчастье счастьем — сводная сестра.
Прости-прощай — не лучшие слова,
Мы говорим их совестью измятой.
Но ты ни в чем, ни в чем не виновата,
И пусть твоя не никнет голова.
В полете чайку — выстрелом в крыло,
И падает на землю камнем птица.
А разве мы не можем оступиться?
И говорить, что нам... не повезло.
Не упрекай и не вини, прошу, меня,
Не осуждай сурово и жестоко.
Мне без того — тоскливо, одиноко,
Что нет любви — священного огня.
Прости-прощай! Пришла и к нам пора.
Что было-не было, то свято.
Нас не согреть холодному закату.
И не вернуть весеннего утра.

НЕ ГРУСТИ

Не забывай, я прошу, нашей дружбы сердечной.
Скоро умчат, застучат далеко-далеко поезда.
И не грусти, ты же знаешь, что счастье не вечно.
Встречи-прощанья были и будут всегда!

Чайки летят. Своим криком тревожно-прощальным
Душу пронзают, и грусть, словно камень, на нас.
Я не хочу, не могу тебя видеть такую печальной
В этот последний и трудный прощания час.

Море шумит. Беспокойны приливы, отливы.
То засмеется, а то вдруг со мной загрустит.
Бьется, как сердце, о берег волной говорливой,
Тоже, прощаясь, на память улыбку дарит.

Волны бегут. В них таится волшебная сила.
Это не сон. Не забыть эту быль, эту боль.
Легкий твой след на песке навсегда море смыло,
Только не смывать (нет, не смывать!) морю нашу любовь.

ЦЫГАНСКИЕ НАПЕВЫ

Две гитары за стеной жалобно запели,
Сердце полнится тоской, струны на «пределе».
Плач, гитара, ночью, днем, звонко, с переборами...
Счастья миг лови, лови! Ах, поймаешь скоро ли?..
Мне цыганка нагадала и сказала шепотом, —
Ждут меня казенный дом и пустые хлопоты.
Я ей ручку «золотил», дал кольцо на правый перст,
Дама-пик меня полюбит, а погубит дама-крест.
Ты, смугляночка-цыганочка, еще поворожи,
И на память, сербияночка, всю правду расскажи.
Пой, гитара, ночью, днем, звонче пой на зорюшке,
Расскажи ты о моем, о бездонном горяшке!
Ах, кони-звери у цыган, — уноси, залетные!
Где тот табор, балаган, время мимолетное?!
Я и плачу, и смеюсь под гитару звонкую,
Я разлуки не боюсь с милой черноокою!
Встреча — радость, а прощанье — горькое страдание.
Я не верю обещаньям, как и предсказаниям.
Я прощаюсь навсегда, ты, моя грустиночка.
Не сведет нас никогда ни одна тропиночка.

«Я ПОМНЮ ВАЛЬСА ЗВУК ПРЕЛЕСТНЫЙ»

*Солистам бального танца
Людмиле М. и Андрею С. посвящается*

Ах, вальс!..

Классический, старинный,
Неповторимый русский вальс!
Взвихрился страстью танец дивный —
Солисты показали класс!

Он — «князь Андрей». Она — «Наташа»...
(Живет толстовский идеал!)
Людмила — «балерина» наша,
Андрей — «светлейшим князем» стал.

Им люстры в такт
чуть-чуть звенели.
И впрямь — великосветский бал!
Движенья легкие газели —
Любовью вспененный бокал.

Вальс юн и свеж...
Не умирает!
Века — гармония и власть.
Он бьется, пенится, вскипает...
Очарование и страсть!

Огонь в глазах.
«Пожар» прекрасный!
А над головкой — светлый нимб.
Взмах крыльев-рук —
призывно-властный
И шеи лебеда изгиб...

Кавалергардам не приснится
То неземное божество!
Вальс саблей-молнией искрится,
Любви и неги торжество!

Она была... неотразима!
Фигуры эти, эти «па».
И «князем» горячо любима...
Ах, видели б мама, папа!..

Наш «князь» с улыбкой превосходства
С «графиней» нежно танцевал,
Как воплощенье благородства...
Вот это вальс! Вот это бал!

ВОЗЬМУ ГИТАРУ В ТРУДНЫЙ ЧАС

Семь нот — семь звуков из огня,
Как нервы обнаженные.
Звучат и ночью, и среди дня,
В поэзию влюбленные.
Не стану больше песни петь
Бескрылые, фальшивые.
Всем песням — пламенем гореть,
В дороги звать счастливые!
А если горе, даже смерть
С ухмылкой угрюмою —
Я запою, я буду петь
И что-нибудь придумаю!
Возьму гитару в трудный час,
Сыграю разудалую.
Старинный вспомню ли романс,
К друзьям своим пожалую.

**БУЗУЛУКСКАЯ
ЯРМАРКА**

... Шум, брань, мычание, блеяние, рев — все сливается в один нестройный говор.

Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки — все ярко, пестро, нестройно; мечется кучами и снуется перед глазами. Разноголосые речи потопляют друг друга...

*Н. В. Тоголь.
Сорочинская ярмарка.*

БУЗУЛУКСКАЯ ЯРМАРКА (отрывок)

I

Бузулук провинциальный,
Бузулук патриархальный.
Здесь купецкие дома
Хоть кого сведут с ума!
Каждый строил в свою честь,
В каждом — стиль и шарм свой есть.
Ампир, готика, коринф?..
(Есть фасады с ликом нимф)
Рим, Афины далеко,
Но... копнуть коль глубоко,
Есть немножко ро-ко-ко...
Поглядишь такой домок —
Не домок, а теремок:
Много вычуров, узоров,
Одного нет: переборов.
К месту все. Все — к полноте,
Все — к солидной красоте.
В камне, дереве — музыка,
Только вдумайся, взгляни-ка!
Дом — искусство! Не «хрущеба».
Ах, таких домов еще бы!
Жили-были в них купцы,
Краснорядцы - удалцы.
Говор, гомон, гул стоял —
Люд торговый правил бал!
Звон саратовской гармошки —
Отворяйте все окошки!

Бузулукские частушки —
Ставьте ушки на макушке.
А самарские страданья —
Тут и слезы, и рыданья.
Это было все у нас,
И о том — народный сказ.

II

На Покров и на Петровку
Устанавливали ловко
От дождей и от жары
Разноцветные шатры.
Разбивали и палатки,
Открывали будки, лавки,
И добра возы везли
От российской от земли.

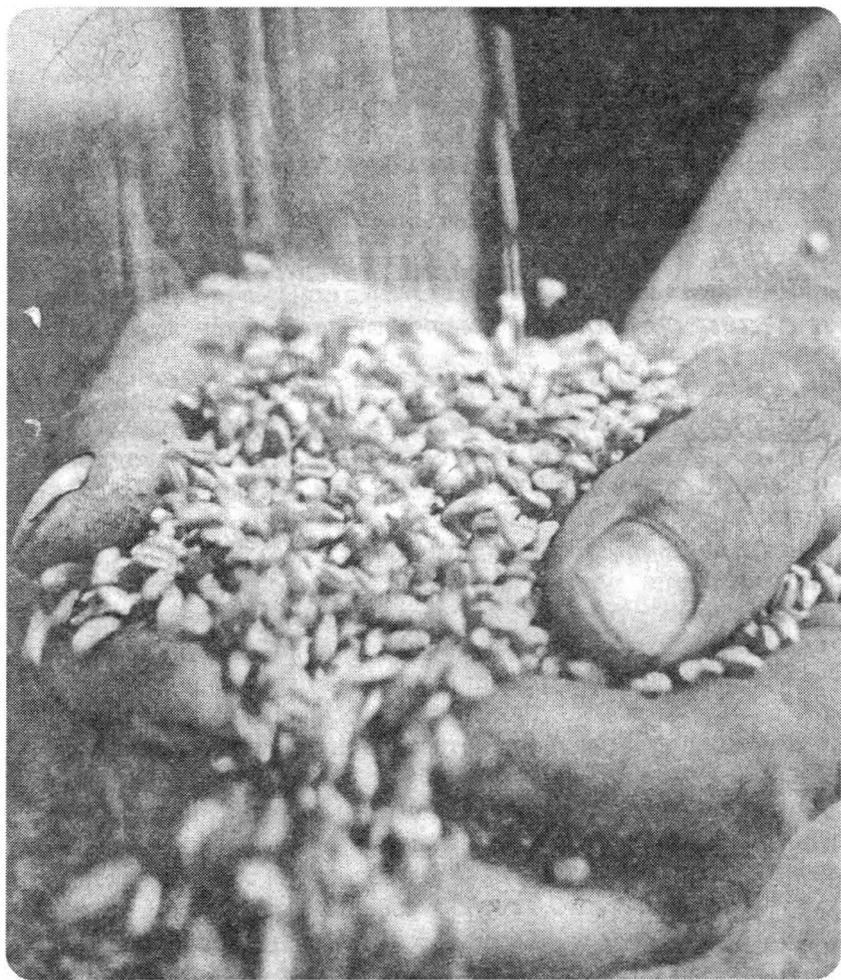
Мать Самара не дремала,
Красноярцев присылала
В славный город Бузулук:
Бузулук Самаре — друг.
Привозили все товары,
Начинались тары-бары,
Песни, шутки, смех, веселье,
Словно в праздник новоселья.

Торгуйте, купчики!
Ловите рубчики!
Звонят чеканики —
Полней стаканчики.
Вы и без молота куете золото.
До темной ноченьки к вам льнут червончики.
Г-гул-ляй, купечики да молодечики!
Пляшите, ноженьки, ходите, плечики!

Две кумы поют, две свахи,
развеселые девахи:
— Как на ярмарке-базаре
Двух «подкидышей» нашли.

Шли... И всех-то не сочтешь...
День торговый всем хорош!
Направлялся Бузулук
Видеть дело своих рук.
Кто — купить, а кто — продать,
От души поторговать...

Морем — ярмарка-базар
Предлагает свой товар.
Краснорядцы-то купцы
Торговать все молодцы!
Зазывалы там и тут
Дружно, весело зовут:
— Покупай — святое дело,
Коль душа что захотела!
Налетай, бери, не трусь,
Чем богата наша Русь!
Горы «красного» растут,
Смех и песни впрямь «цветут».
— Заходите — знамо дело!
Не воронь — подешевело.
Там купил-с? Бери и тут-с.
Расхватили — не берут-с...

РАССКАЗЫ

*Прославленный механизатор Оренбуржья
В. М. Чердинцев детям своим и всем нам пе-
редал: «Наши колосья, наш хлеб – сила
и слава страны.*

*Нет ничего главнее и прекраснее Хлеба,
потому что Хлеб – это Жизнь!»*

Из книги «Оренбуржье мое»

БУДЕТ ХЛЕБ — БУДЕТ И ПЕСНЯ!

Написать очерк о Бузулукском элеваторе — моя давняя задумка! Более 20 лет хожу я на работу мимо этого солидного и успешно работающего хлебоприемного предприятия. Недаром он удостоен звания — «Бузулукский ордена Трудового Красного Знамени элеватор». Приходилось бывать на элеваторе не раз. Со стороны лучше видишь перемены.

Во-первых, чистота, порядок на всей территории. На гаражах аршинными буквами начертано: «Соблюдайте порядок и чистоту». Наглядной агитации руководство элеватора придает большое значение. Можно, конечно, отмахнуться от «старья»... Мы от многого «отмахнулись», но, как видно, здорово промахнулись! «Дали маху» на потеху всему миру. Теперь вот уж какой год «боремся» с разрухой и нищетой и просим «подаяния» за рубежом. На самом большом стенде мы читаем такие простые, но дорогие каждому сердцу слова: «Хлеб — это жизнь. Он вечен, как мать, как Родина». Мысль, словно из драгоценных алмазов. Рядом нарисован сноп пшеницы с рушником и на нем душевный текст: «Хвала рукам, что пахнут хлебом».

Людям ненавязчиво прививается любовь к родной земле, к хлебу! К работе!

И тут же призыв к водителям: «Товарищи водители! Ни минуты простоя, ни грамма потерь!». Я ни разу не видел, чтобы под автопоездами с хлебом оставались хотя бы маленькие «холмики» из пшеницы, ржи, проса и других культур. Ни разу! Если и теряют, случается, то тут же сметают веничком зерно и относят в очистку.

«Ни грамма потерь!» — вот что это значит. Это — ответственность и бережливость! Как поют в песне: «Жизнь, ты знаешь, что это такое...» Люди отлично знают, что такое хлеб! Хлеб — имя существительное! Хлеб — всему голова!..

Есть расхожая фраза: «Театр начинается с вешалки». На элеваторе такой «вешалкой» является вся территория, все здания, все службы, хранилища, механизмы, установки и т. д. То есть весь комплекс.

Я подхожу к миниатюрному шлагбауму, он перегораживает въезд на элеватор и выезд (раньше его не было). Все, кому надо и не надо, свободно гуляли, маневрировали, «газовали», «кружились», мешали друг другу. И это считалось нормальным. Не элеватор, а проходной двор. Теперь «полосатый сторож» внезапно автоматически опускается перед «носом» нежелательного клиента. За этим следит сторож на вышке. Он определяет, сколько грузовиков с хлебом впустить, а кому и стать в очередь за шлагбаумом.

Ни сутолоки, ни перебранки! Ставь авто и жди.

У хорошего хозяина всегда высокий, крепкий забор. Недаром в шутку говорят: «Хочешь жить с соседями в мире и согласии — ставь добротный забор. Чем выше и крепче забор — тем лучше соседи!»... И добротный забор выстроен!.. Ф-фу! — скажет иной читатель. Нашел о чем писать, о заборе. Ты покажи нам производственный процесс, работу с зерном, технологию переработки, сушки, отправки зерна. Ритмичность, организованность и дисциплину... Все это есть, бесспорно! Об этом можно написать отдельно увлекательный роман, но моя задача другая: показать «мелочи», от которых зависит серьезность большой и ответственной работы.

Итак, «театр начинается с вешалки», а труд на любом предприятии — с организованности, дисциплинированности коллектива, начиная с проходной, с «шлагбаума».

«С чего начинается Родина? С картинки в твоем букваре. С хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе»... Помните? Хорошая, умная детская песенка, которая на малом учила и учит самому большому — любви к Родине! Вот и ритмичная работа на элеваторе начинается с «малого», с «мелочей». «Мелочью» покажется иным работа по очистке Суходола.

Суходол за лето превращается в «джунгли». Зарастает крапивой, лопухами, коноплей и другим бурьяном. Мальчишки целое лето играют там в «войну». Очень уж «партизанская зона»!

По команде директора элеватора Николая Григорьевича Селина с этим Суходолом идет теперь постоянная борьба: надо скосить летом траву, вытащить и отвезти прочь.

А зимой Суходол забивается наглухо снегом. Да еще как! То же проблема. К весне снег надо убрать от автозаправки до Раздельной (ниже по Суходолу). Иначе — потоп! Вода хлынет к элеватору.

«Вылизать» Суходол бульдозером и... лопатами — это не «фонтан»! И не «брызги шампанского». Паводок — дело нештучное. Никто не даст и ныне гарантии, что разлива не будет, что Суходол укрощен.

«У природы нет плохой погоды. Всякая погода — благодать», — поется в песенке известного режиссера Э. Рязанова. Так ли? Бывает такая «благодать», что друг друга не видеть, особенно в оренбургских степях...

Давно, очень давно «стучался» ко мне очерк: напиши да напиши о нынешнем директоре элеватора Николае Григорьевиче Селине, о его «команде, т. е. о его замах, помах и рядовых сотрудниках. Все они вместе заслуживают самых добрых слов как талантливые руководители и организаторы производства!

Элеватор работает без сбоев, ритмично, слаженно. Все службы справляются с заданиями, действуют ответственно и толково. Плановые задания выполняются четко, качественно. Коллектив дисциплинированный, профессионально хорошо подго-

товлен. Иногда возникают шероховатости (у кого их нет), но генеральная линия проводится четко. Виновных «ставят на место». Иначе нельзя! Откуда все это? От хозяина, от головы, от руководителя. Конкретно от Николая Григорьевича Селина.

А теперь о фактах, цифрах, достижениях. Об экономической стороне дела. Не буду утомлять читателей перечислением всех достижений. Их много. Назову несколько фундаментальных, наиглавнейших.

Бузулукский ордена Трудового Красного Знамени элеватор основан в 1915 году. За прошедшие годы работоспособный, творческий коллектив элеватора проделал титаническую работу, совершил по-настоящему трудовой, героический подвиг!

Бузулукский элеватор — один из лучших в Оренбуржье.

Вот несколько тому доказательств:

1. За последние 20 лет элеватор превращен в высокомеханизированное хлебоприемное предприятие.

2. Общая емкость составляет 140,2 тыс. тонн, из них элеватор емкостью в 13,2 тыс. тонн и 35 складских помещений общей емкостью в 128,8 тыс. тонн.

Все складские помещения полностью механизированы, а более половины оборудованы установками активного вентилирования.

3. На элеваторе действуют 4 поточных линии, 25 большегрузных приемов для выгрузки зерна из автомашин и автопоездов.

4. Сушильная мощность зерносушилок доведена до 112 тонн в час или 2300 тонн в сутки.

5. На элеваторе построено 16 отгрузочных точек на железную дорогу. Из них 12 точек с установкой автоматических весов.

6. Хозяйственным способом элеватор построил производственную лабораторию и не только.

7. Решен вопрос с подработкой семенного зерна.

8. Внедряется новая техника, повышается эффективность производства...

Можно еще продолжать перечисление того, что сделано вчера и делается сегодня. Не буду утомлять читателей. Трудовые успехи налицо. Пожелаем работникам элеватора новых достижений в приеме, хранении, сушке и переработке зерна!

Хочу обратить внимание на культуру труда, на новые достижения. Посмотрите на компактность и разумность всех строений элеватора с целью повышения эффективности производства.

Хлеб любит, чтобы о нем люди загодя думали.

И еще одна истина: «Добросовестный труд — могущество России». Простые, но глубокие и мудрые слова. Они начертаны на арке въездных ворот. Не увидеть их просто невозможно. Не понять и не принять их сердцем кощунственно.

Загодя думать о хлебе — эта простая крестьянская мысль живет века! Без «загодя» не будет ни хлеба, ни нас. А без добросовестного труда и говорить нечего! На самой «верхотуре» элеватора призыв: «Добро пожаловать!»

Вот такая ненавязчивая, простая агитация мобилизует честных тружеников! Некоторые «новаторы» отвергают ее: старо, не модно, отдает прошлым. Ничего подобного! «Отдает» хорошей сдачей - продажей государству зерна-золота (увы!) по низким ценам. Ниже, чем платят хлеборобы за ГСМ, технику и т. д. государству.

Что еще мне нравится на Бузулукском элеваторе? Отсутствие бестолковой суеты. Все — по часам, по минутам. И каждый работник, по-суворовски, знает свой маневр. Продуманность, организованность, ответственность всех и каждого!

В зернохранилищах особенно слаженная работа техники и человеческих рук. Перекуры, простои, «тары-бары» исключены. На пятиминутках у директора Н. Г. Селина все словно сдают самый главный экзамен! Попробуй не сдать! Информация к руководителю поступает мгновенно, с любого участка. Щелк кнопка: «Докладываю обстановку, Николай Григорьевич...».

В ответ — два-три указания, и зерно, очищенное, сухое, литое-золотое, в закромах. Вот так! Пусть подадут вагоны для погрузки и отправки хлеба.

И, наконец, о стиле руководства людьми.

У Николая Григорьевича он (стиль) несколько необычен и даже в какой-то степени оригинален. Во-первых, кабинет обставлен просто, скромно, без излишеств.

Директор Н. Г. Селин открыт всем работникам элеватора. Посетители не ждут его по часу и более в очереди на прием. Входи, говори, но... по существу, недолго.

Для юмора, видимо, в шутку (понимай, как хочешь) в шкафу висит «памятка» для посетителей. В ней такие советы:

1. Входи смело, говори дело.
2. Не гни спину, не тяни резину. Если в чем виноват, сознавайся сразу, брат.
3. Не строй из себя «министра» — говори толково и быстро.
4. Деньги зарабатывай, даром не проси. Получай в кассе и домой носи.

Шутки, а серьезные! И улыбнешься, прочитав, и задумаешься.

А вот «наставление» гневливым (бывают и сердитые посетители).

1. В случае сильного гнева, сорви со стены листок слева.
2. Можешь его снять, в комок смять, бросить на пол и растоптать.
3. Пора понять, что гневом надо управлять...

И, представьте, прочитав «советы», сердитые посетители выходят из кабинета с улыбками.

Юмор — великая сила! Руководить людьми — целая наука. Одним криком не возьмешь. Николай Григорьевич умеет руководить людьми, это он доказал многолетней успешной работой. Его любят за открытость, теплоту, доступность, простоту, доброту и честность! Но он и строг, требователен! Справедлив и трудолюбив!..

Будет хлеб в стране — всегда будет радостная песня по всей России!

Наш хлеб — сила и слава страны!

КОЛОСКИ (быль)

*Дела давно минувших дней...
Не забываются, волнуют, кровоточат...*

Когда видишь на обочине зерно или как в поле ветер выдувает из мякины горку янтарной пшеницы, сразу вспоминаешь полуголодное военное и послевоенное время, и становится больно: как это мы можем?!.. Швырять бесценный дар — хлеб — под ноги?!

Еще как можем! Учил нас голод, да, видно, не научил. И я решил поведать о своем детстве, о детстве своего поколения. Кадры моей «хроники» прокручиваются во сне и теперь. Поднаторевший в демагогии скажет: «Синдром военного и послевоенного поколения. Манной не корми — вспоминать трудности»...

Мы-то помним. Не забывайте и вы, выросшие на вольных хлебах, в упор не испытывавшие ни войны, ни голода.

Война закончилась в сорок пятом, а в сорок шестом жестокая засуха «выстрелила» недородом в измученных войной людей. Все лето ни дождинки, ни росинки. Хлеб — давно по карточкам. Людей шатало от голода.

Четыре страшных года войны и пятый неурожайный — и пошли побирушки-кусочки по селам, как извечно ходили на Руси. Котомку-мешок через плечо и...

— Христа ради — кусочек хлеба!

Просили у таких же нищих. И, о чудо! Всегда находились сердобольные, которые недрогнувшей рукой отламывали кусочек. Делились последним.

А мы, подростки, с такими же котомками, таясь от колхозного начальства, ходили в поле собирать колоски. По одному, оврагами, на полусогнутых, а то и ползком, словно жуки-носоро-

ги, мы упорно лезли на жнивье, где лежали колоски пшеницы или проса.

По стерне, задыхаясь от страха и пыли, с бешено колотившимся сердчишком, мы брали взгорки, по-пластунски переползая из оврага в овраг. Там безопаснее. В оврагах часто мы находили мякину, а в ней — зерна. Расстелив мешок, мы под ветерок трусили эту мякину. Полова отлетала, и на мешок сыпались зерна пшеницы или проса. Какая это была радость! Она клочкотала, трепыхалась в горле: отец похвалит, а мать прижмет на минуту к груди, смахнет слезу и потом... сварит такую вкусную кутью или кашу. То-то объеденье! То-то счастье!..

Не знаю, когда и кем была сочинена эта частушка, но у нас она «гуляла» в последние годы:

*Всю пшеницу — за границу,
И картошку — на вино,
А голодному колхознику
Поставили кино...*

«Пели» шепотом на ухо, но становилось почему-то чуть легче: есть люди, которые видят, знают и понимают, как тяжело живется крестьянину.

Нашим коноводом была Нюрка. Как сейчас, вижу ее. Жесткие, выгоревшие на солнце, почти белые волосы — косицами в разные стороны. Расставленные широко белесо-синие глаза, всегда злые, беспощадные. С горбинкой нос, с чуть заметными конопатинками и постоянно трепещущими крылышками ноздрей. Нюрка постоянно пританцовывала босыми, в цыпках, ногами, шумно втягивала воздух хищным носом и готовилась рвануться в любом направлении. Даже чуть заметные бугорки грудей теснили материнскую кофтенку, просились на простор.

Нюрка «выдуривалась», как у нас говорили, в лихую деваху, которая уж не пропадет сама и не даст пропасть тому, кого полюбит. Мы ее звали «Нюрка — смерть фашизму!». У нее пропал без вести отец в первые месяцы войны, и она вместе с матерью впряглась в колхозную работу, ежеминутно помня: труд — спасение, безделье, лень — смерть.

Кроме нее в семье было еще трое братишек.

Фашистов она люто ненавидела и заканчивала все разговоры о войне одной фразой: «Смерть фашизму!».

Атаманшей она стала легко. Авторитет ее среди мальчишек и девочек был велик. А дралась она с нами так ловко, что мы

заранее, при ее стремительном и сокрушительном наскоке, вопили: «Нюрка, мы — хенде хох!». И поднимали грязные ручки. Это Нюрка рано утром, как подоит корову, бегала, будила нас.

— Эй ты, Жар-птица! Просыпайся, бери мешок, ножницы и пудей ко мне. Там сбор.

И лупоглазая Тонька вскакивала с соломенного матраса, суетливо схватывала припасенный с вечера мешок и овечьи ножницы и полусонная трусила к Нюркиной завалюхе.

— Эй, ты, Бахча! — дергала она за ногу Костю.

— Арбузы прокараулишь! Облопался, наверное, штаны намочил... Вставай! За колосками!

И Костя по-медвежьи, перевалочку направлялся на сбор с котомкой и с теми же овечьими ножницами, которыми в селе стригут овец. Они большие, ими удобно отрезать сразу пучок соломы, отделяя от колосков.

Бахчой Костю прозвали за его удивительный кашель. Он «гукал» и летом, и зимой одинаково, хотя никогда не болел от простуды. Привычка. Идет и уг-гу-иу-гук! А слышно на полсела. Ему сразу определили «профессию» — тебе бахчевником быть, арбузы караулить. И наяву, и во сне ни с того ни с сего гукаешь — за версту слышно! Ни один арбузник-воришка не посмеет...

А Нюрка носилась со двора во двор, собирала «партизан». Так она назвала нас, глянув как-то через плечо и отмахнув влево свою пику-косицу:

— О, господи! Где там киношники? Такая разноперая гвардия! Автоматы бы нам — как партизанам! Снять — и кино! Не надо артистов. Тут же вскинула руку и яростно прошептала: «Смерть фашизму!».

Нюрка втайне готовилась бежать на фронт отомстить за отца: «Только мамаку жалко, а то бы я ночью рванула в город. В эшелон — и «айда»! Достала бы «Калашникова» и уж задала бы жару фашистам...».

Своих братьев будила в последнюю очередь. Сначала по-матерински:

— Федя, Коля, вставайте!

В ответ недовольное — у-у-у!

— Подъем! — выдыхала Нюрка, и оба брата, как на пружинах, вскакивали, вытаращив на сестру-атаманшу такие же беледые, со злой синью глаза.

И вот мы топаем в сумерках, по-волчьи, след в след, бесшумно, молча. Сегодня мы поднялись с коровами, а это четыре утра. Со дворов доносится звонкое дзинь-дзинь — молоко звенит в подойники, и нам хочется теплого парного молока... Но его надо еще заработать. Эх, по кусочку бы хлебца! Вкуснее ничего нет парного, сладковатого молочка с хлебом! В желудке пусто. Голодное урчание, слабость, аж подташнивает. Скорее бы на поле, нахвататься пшенички, порушить ее слегка зубами и набить эту ненасытную прорву — желудок...

На ходу засыпаем, ковыляя за упрямой Нюркой. А она, словно орлица, парит над поселком. Ступает неслышно, подавшись вперед, вся — зрение и слух. Она отвечает за успех или неудачу.

В военное время и после войны, помню, у нас сеяли рожь и просо. Пшеницу тоже. Видимо, рассчитывали: не родится одно — уродится другое. Часто так и получалось: выручало просо. Если хлеб чахленький — жди обильного проса. До сих пор видятся зелено-золотистые, с тяжелыми, бронзово-налитыми кистями просяные поля.

Картошка и просяная каша спасали нас. Прошло столько лет — вкус каши с пареной тыквой не забыт.

К полю мы вышли спокойно. Нигде никого.

Но страх сидел глубоко в нас: собирать колоски строго запрещалось, только голод придавливал его... Хотя за три килограмма взятого зерна давали три года. По году за килограмм. Мы знали об этом. Знали, как Мария Кузовлева — вдова, мать семерых сирот, отважилась на отчаянный поступок. И что потом было.

Вращая барабан веялки на току, она ни на минуту не забывала голодного блеска семи пар детских глаз. Придет с работы — писк из углов и с печи: «Мам, есть, есть хочу! Хле-еб-ца!». Сердце разрывается от жалости и горя. Улучив момент, Мария зачерпнула одним валенком, а потом другим «пшенички» и скорее сунула в них босые ноги. В обеденный перерыв отправилась домой. И забыла, бедная головушка, про дырки на запятках валенок. И притрусилась тропинку из зернеца к порогу. Только стащила набухшие, сырые валенки, чтобы вытрясти зерна на горячую печь, тут как тут бригадир Бурзянцев Егор, по прозвищу Бурмистр.

— Ах, так твою — воровка! Расхитительница колхозного добра!.. Тут же — акт, и с поличным — в Совет. Оттуда звонок

в район... И укатила Мария на «черном воронке», так и не простившись с детьми. Ни дорогого Семы — мужа, погибшего в сорок втором, ни ласковых деток...

А через неделю грузили «безотцовщину» — семерых Кузовлят — на телегу. Верещали они по-заячьи, когда выносили их из полузавалившейся саманной хибарки. Цеплялись за плетень, норовили выпрыгнуть на ходу. Заскрипела российская телега, вечная спутница арестантов и ссыльных, увозя детей в неизвестность.

Когда телега загромыкала по деревенской пыльной дороге, старый Исай, глядя с тоской куда-то вверх и вдаль, задумчиво изрек:

— Не удивляйтесь, братушки. Так было испокон веков: милует царь, да не жалует псарь. Наверху там и не знают, какие творцы новой жизни тут, на местах. Оне натворят — тошно всем станет... И — ех!..

Мы жались друг к другу, обступив Ньюрку. Она тоже трусила, но пыталась не подавать вида.

— Ти-ха! — шепнула она побелевшими губенками. — Расходитесь по двое, по трое, чтобы не потерялись. Вишь — темно.

— Бахча! Смотри не гукай. На пучок травы.

— Зачем?

— Захочешь гукать — этот комок травы в рот...

— Не-е! Я воску у деда набрал. Я лучше воском «заткнусь».

— Гляди, не то...

И Ньюрка показала жесткие кулачки.

— Ладно! Мне, думаешь, охота в ГПУ...

Мы рассыпались цепью, тщетно разглядывая на стерне колоски. Сырой туман напелзал с реки. Было еще темно. Природа, словно уснула на переломе от ночи к рассвету. Самый крепкий и сладкий сон — на зорьке.

Нас семеро. Костя взял с собой братишку Леньку. Он совсем зеленый. Стоит и спит. Сборщик из него ноль и ноль. Ляжет в борозду или на валок соломы — и тут же уснет. Зато Костя спокоен: братишка рядом, а он за него в ответе. Мать-то в поле. Уборочная страда... Задыхаются от жары и непосильной работы. Все — вручную. Недаром вполголоса напевали:

Ой спасибо Сталину —

Сделал меня барыней:

Я и лошадь, я и бык,

Я и баба, и мужик...

Мать наказывала Косте: «Что с Ленькой случится — шкуру спущу!». Косте дорога своя «шкура», и он доволен, что братишка рядом. Ленька с усилием продирает серые глаза. С облупившегося носа только сошла третья кожа. И новую обожгло.

Тонька, прозванная Жар-птицей за огненно-красные волосы, такие же брови и ресницы, тоже канючит: «Спать хочу. Но Нюрка, такую рань разбудила. Спали бы...».

— Я вам посплю. Я вам так посплю! А чо жрать будете, когда проснетесь? Подохнете без меня... Есть бы им и спать, а работать?!

Это было истиной. Без Нюрки бы мы пропали.

А она, разрешив нам присесть на валок, легкой трусцой обещала «карту» поля.

— Пойдем по этой «карте». Друг от друга — 7—10 метров. Вон до того бугорка. А там овраг. Вечно там теряют мякину. Навеем готового зерна, чем солому тащить, и посветлеет, гляди, и ветерок потянет. Айда. Бахча, накрой Леньку. Пусть на валке поспит, мы вернемся. Лишнее оставьте. Тут — наш штаб...

Только через много лет я понял, кем была в нашей жизни Нюрка. Она была нам и атаманшей, и сестрой, и матерью.

Мы развернулись цепью и, пригибаясь, чтобы никто не увидел, начали сноровито собирать колоски. Скоро мы разогрелись, «вошли в охотку». Колосков было море — успевай собирать и чикать ножницами. Сейчас не собрать — через неделю-другую хлынет дождь, и поле станет зеленым, если его не вспашут, от озимой самосеянной пшеницы. Она в этом году уродилась, но уборка такая, что третья часть урожая на земле. Однако не тронь! Пусть прорастает, гниет, но это колхозное! Умирайте с голоду — это личное, а поля, хлеб — колхозные, «общественные»!

Первая заповедь — хлеб государству! Выполнили под метлу — затем снова пашите, сейте, убирайте. И выполняйте заповедь!.. Кто не умрет с голоду!

Золотой рекой разлилось солнце. Туман исчез. Небо и ленивые облака безучастно взирали с высоты. Но мы этого не замечали. Наши глаза устремлены на колоски. Мы торопимся набить котомки и скорее дойти до оврага. Там безопаснее. Там — предсказанные Нюркой бугорки мякины. Ее надо провеять, а вдруг повезет?!

— Ти-и-ха! — Услышали мы испуганный выдох, и Нюрка пригнулась. А мы — ничком на землю.

— Кажется топот...

— Ти-и-ха! — и мы замерли. — По-пластунски — в овраг! — Скомандовала она.

И мы засопели, работая спиной, локтями и носками. Сбились в жалкую ребячью отару, замерли от страха. Нюрка не ошибается: глаза-алмаз. Она ночью, как кошка, видит. Значит — беда! Вон как у нее косицы туда-сюда! Почуяла опасность... Нюрка пантерой изогнулась на взгорке, делая рукой нам знаки: едет один верхом на лошади. Кто бы это и зачем?!.. Костя как раз «гукнул», и мы зашипели рассерженными гусями.

— Заткнись своим воском!.. Зажми рот, бахчевник!.. — Ти-и-ха! — приказала Нюрка.

— Если глаз не обманывает, это Егорка Бурзянцев, Бур-мистр, — с ненавистью добавила она.

Глаз не обманул Нюрку. Топот приближался. Мы вросли в землю, вцепились пальцами в стерню. Хоть бы провалиться!.. Где-то тут волчья яма? Говорят — там выводок. Вот бы нам туда! Волчица не страшна — страшен Егорка-Бурмистр.

— Эй, вы там, шкурники, колхозные нахлебники! — заорал Егорка. — Вылезайте, а то кнутом выгоню! Ж-живей!

Егорка щелкнул плетью. Мы поднялись и пошли, понуро, обреченные.

— Мешки, мешки свои берите! Я вас с мешками по улице погоню, под конвоем. Няхай все увидюте колхозных воров. Из школы выкинуть, из пиянеров вычистюте. Т-так вашу мать?..

— А ты, командир-гренадер, чо стоишь?! — крикнул он Нюрке. — Аль тебя не касается? Тебе-то первой и ввалю. Это твоя шайка. Ты у них волчица-предводитель. У-у, зараза! Глаза выпучила, ощерилась, того и гляди цапнет! В-волчица!.. М-мать твою...

Рыжий мерин топтался на месте, приседая и всхрапывая. Ко-сил кровавым глазом, стриг ушами. Было видно, что конь чем-то встревожен.

— Чо ты их боишься! — орал Егорка.— Эта банда допрыгала-сь. Все-е-ех — в кутузку! Дармоеды! Вориш-ш-ки! Нет в колхозе работать — они на готовое... Я вас вместе с родителями

упеку! Никакого глаза! Там, в лагере, за вами догляд ха-а-аро-ший будет!..

Мы не заметили, как подошел сзади Ленька. Он недоспал и был сердит, что Егорка так бесцеремонно нарушил сон. В деревне не любили и боялись Егора Ивановича. Боялись и ненавидели.

Ленька подкрался и больно хлестнул мерина солдатским ремнем. Тот прыгнул в сторону. Егорка едва удержался в седле. Размахивая кнутом, пришпоривая коня, дико вращая совиными, навывкате глазами, матерясь, бросился на Леньку. Парусиновая фуражка слетела у него с головы. Розовая лысина с кустиком на затылке рассмешила нас, но было не до смеха. Ленька забежал за скирду соломы — и в поле. Багровый от злобы, Егорка хлестнул кнутом Жар-птицу — та залилась и бросилась наутек.

Я догнал ее и схватил сзади за «хвост» старенького платья. Жар-птица дернулась изо всех сил — «хвост» остался в моих руках.

Рыжая Тонька яростно бросилась на меня, вцепилась мне в щеку и залилась еще горше.

— Ма-ма-ка, она... Теперя ме-е-е-ня за пла-а-а-атью дома убьет. Одно у меня, а ты порвал. Сурук (моя кличка) несчастный! Не знай, зачем хва-а-та-ешь. Скажу мамаче, она те за-да-ст!..

Но я привел все-таки Жар-птицу в штаб. Выполнил приказ Нюрки.

— Чего стоите?! Выручайте Леньку! — крикнула Нюрка и бросилась вдогонку. Мы, побросав мешки, понеслись следом.

Ленька сообразил, что на дорогу выбегать ему не следует — Егорка сразу настигнет. Поэтому, околесив скирды соломы, он рванулся к оврагу. Он знал: по вымоинам конь не разбежится. а там — волчье логово и, возможно, спасение... Бурмистр смекнул тоже, поэтому повернул коня на нас, со свистом рассекая воздух, размахивая кнутом.

— Все — ко мне! — скомандовала Нюрка. Мы кинулись под ее защиту. Она загородила нас собой, и первый удар пришелся по ее плечу. Нюрка взвизгнула от боли и вдруг схватила ком земли и запустила в Бурмистра. Мы мгновенно пустили в ход это оружие. Надо было выручать атаманшу. Конь закрутился на месте, встряхивая головой. Комья земли летели беспрестанно. Егорка загородился кнутовищем, конь не слушался всадника.

А Нюрка плакала от боли и ненависти и кричала:

— Вот погоди, тятка с войны придет (она ждала отца, надеялась), я ему все расскажу. Он тебе покажет! И за кузовлят ответишь!

Мы тоже что-то орали, визжали, свистели, подвывали... Взять нашу банду было невозможно. Теперь мы диктовали Бурмистру...

Вдруг раздался крик со стороны урочища, где скрылся Ленка. Мы застыли от страха. Через минуту Ленка выскочил из зарослей полыни и дикой конопли. За ним, словно нехотя, полускоком бежала волчица.

Егорка круто повернул коня и бросился прочь. Ему было не до нас...

Лицо Нюрки стало таким же, как и ее выгоревшие волосы. Куда подевался загар. Стояла белее снега.

— За мной! На помощь! Ле-е-е-нь-ка! — вдруг закричала она так, что волчица замедлила скак, а вскоре пошла шагом и села, разглядывая нас. Ленка, задыхаясь от бега, подбежал к нам, и тут же в изнеможении рухнул на землю.

Мы, разгоряченные «битвой» с Егоркой, теперь не боялись и волчицы. Схватив мешки и размахивая ими над головой, мы со свистом, улюлюканьем бросились к ней.

— Стойте! Стойте, дураки! — закричала Нюрка. — Не надо! Не надо подходить. У нее там волчата. Это она Ленку от логова прогоняла. А теперь — не троньте! А то кинется по-настоящему. Мы отступили.

Мы собрали разбросанные колосья. Провеяли мякину, теперь уж не таясь. Будь что будет!

Шли домой победителями. Но внутри холодел страх: вдруг завтра — «черный ворон», и нас, как кузовлят, увезут из дома неведомо куда, отнимут у родителей. Недаром Костя-Бахча мрачно пошучивал дорогой: «Слыхали, как паровоз гудит? Нет, не слыхали. Это он нам гудит: «гэ-пэ-у-у-у-у...». Мы хихикали, но как-то через силу. А детство есть детство — мгновенное, переменчивое настроение. С нас слетела мрачная озабоченность, пропал страх. Мы были возбуждены, веселы и беспечны.

Только где-то внутри екало: что же с нами будет, когда придем?

ИСПЫТАНИЕ АТОМОМ

— Дед Василий! Ты про атомную Расскажи. Ты же живой свидетель, очевидец...

— А башку не отвернут?

— Теперь — нет: свобода слова, плюрализм.

— А не врешь? Гляди!.. Забыл токо многое. Могу и при-
врать.

Дед Васяка настороженно зыркает черными пронзительными
стенкиразинскими глазами: можно ли доверять? Щурится, при-
кидывает, решает: можно! Усаживается поудобнее, опирается на
бадик, что называется, садится на «три точки». Но не вдруг: уг-
незживается, как наседка. Не спеша достает из «галихве» цикло-
пический (не вру!) по размеру цветастый кисет. Кажется, на-
чал...

— Маришки, бабки моей, подарок. Это и кисет, и утирка.
Покурил и нос вытер. Удобная штука!

Нос у деда под стать кисету: огромный, красновато-лиловый
и... «саксофонистый». И дед тут же доказал это: приставил
утирку и высморкался — раздался мелодично-дребезжащий
звук саксофона.

— Как с войны пришел живой, так она мне на радостях из
наволочки и сгондобила. На, говорит, помни о Победе. Я-то не
забуду!..

Дед не торопится начинать повесть: восемьдесят лет спешил,
к девяноста «подруливает», можно и притормозить.

Вышла и присела с вязаньем на завалинку баба Мариша. И ей
охота послушать, что «деется на белом свете».

— Маришк, Маришк?

— Че тебе? — недовольно отозвалась бабка...

Она начала считать петли, а деда дернуло сбить с панталыку.

— В каком году литинант на постое у нас жил?

— Дак в атомном, когда бросали...

— А лет-то скоко минуло?

— Разве упомнишь? Вроде за год до смерти деда Михея. Или как внука Витьку оженили... Или как баню у нас половодьем смыло. А потом — этот литинант.

— Э-э-эх!.. Тоже не помнишь. Ладно, сам справлюсь. А было это, значит, по осени. Как сейчас помню. Сентябрь стоял сухой, теплый, солнечный, ядреный. Техники нагнали! И солдат, солдат... И все вроде бы тайно, а какие у нас секреты? Слышу, и моя спрашивает (я все же для нее военный авторитет!): «Правда, на нас атом бросать будут? Испытывать нашу крепость?». Тут я ей дал «крепость»! Ты что — устава не знаешь? Воинскую присягу-дисциплину? Умение хранить тайну? Ну и так далее... Запомни, говорю: «Болтун — находка для врага...». В общем, дал ей воинский урок! А как же? Три дня под домашним арестом находилась! К колонке за водой сам лично ходил. У них там «шпионский штаб» и разлагающие разговоры. Вся женская «контра» там собиралась! Хитрюги! Одна по одной, и все — к колонке! Не иначе в наше село был заслан натовский шпион... Его работа! Мы, фронтовики, сразу дружно опровергли: «Дезинформация и провокация! Обычные бабские сплетни, чтобы сбить с мирного ритма, посеять в рядах панику...»

Один чудик из наших даже самодельный плакат на клубе прибил: «Не развешивайте уши — ходят разные тут слухи». Посмеялись... А потом и мужики за куревом нет-нет да уронят вполголоса: «Говорят, все-таки атом — правда...». А вскоре и всю разговоры пошли... Маришк, ты боялась атома?

— А что мне бояться? Я за внучку боялась и за свиноматку... А мне что бояться — свое отжила...

— Не ври, не ври — боялась. Я замечал, как ты губы поджимала и они дрожали. И глаза у тебя мокрели.

— Может, и мокрели. Я войны боялась. Одну не успели забыть — другая наготове. А еще братьев погибших вспомнила...

— То-то!.. Так и сознавайся сразу! Многие струхнули. Техника ревет. Самолеты летают. Солдаты взад-вперед на машинах носятся. На выгоне соседнего села летчики две бомбы... уронили. Тут уж хвосты намочили некоторые. Мы-то видавшие! А кто впервые услышал, как бомбы ахнули?.. Увидел взрывы, воронки?! Случайно вышло. Обмишулились, видно, летуны. Было им за это от командования!.. Не пугай зря народ! А могли бы и на избы жхнуть. На учениях всякое бывает...

В оврагах, под крутым берегом, в ямах — везде машины, военная техника, солдаты, офицеры... Учения были серьезные. Говорят, сам Жуков командовал. У-у-у!.. Село наше и другие села разбили на десятидворки. Десятников из наших, кто побойчее, посмекалистее, назначили. Военные их собирали, инструктировали, как спастись во время атомной. Рельсу повесили, чтобы оповещать. Главное, чтобы не было паники. Паника — это гиблое дело. На своей шкуре знаю...

Велено было до взрыва выставить рамы, чтобы их не высадило взрывной волной и не побило стекла. Открыть настежь двери — волне дать ход. Ценные вещи забрать с собой... И смех и грех! Какие у колхозников ценные вещи? Телогрейки да кирзовые сапоги? И то — не у всех! Жили, как святые пустынники. Ничего за душой! Душа и та голая... Война, налоги, займы, разруха!.. Хлеба вволю не было!.. Что на огороде соберешь, тем и кормишься. Да еще на базар отвезешь — с налогами расплатиться, облигации выкупить... Э-э-э! Ладно! Это — особая статья! Тут — роман многотомный. Крестьянский роман, страдальческий! Токо читать не станут: скушная наша жизнь!

Значит, убрать из хаты мебель... Какую? Смешно! Стол и стулья, топором дедовским стянанные? Или неподъемные лавки, на которых всегда гнездились до семи-восьми ребятишек в каждой избе? Бабкин сундук, прялку вместе с русской печью?! Другой мебели — шаром покати!

Дед Васяка отчаянно-весело махнул рукой и пристукнул бадиком:

— Тогдашнему сельскому жителю нечего было терять!

Нам токо атомной не хватало... Это теперь село оперилось. В «застольные» времена! При Брежневе пили-веселились, а потом — прослезились... Появились шихвоньеры, гринатуры, сервизы — язык сломаешь, пока выговоришь! Ты извини! Я опять вильнул. Больно уж накопилось. А поговорить не с кем. Бабка, она газет не читает, радио не слушает: глухая. Не совсем, а с глушинкой. Никакой информации. А я с такими — не люблю. Значит, остался я домовничать. Не побоялся атомной. Я же бывший фронтовик! Легли мы с Иваном, как учили: ногами к полигону, где атомную бросать будут, а головой к Скоковке, деревеньке в километре от нас. Сейчас она исчезла как «несперктивная». Народ весь затаился. Как суслики, попрятались кто где... Уши мы ладонями прижимаем, а рот полуоткрыт, чтоб перепонки не

лопнули. Ну это в момент удара. А вдруг атомная и взаправду «сыграет»! Чем черт не шутит! Недаром вокруг нее столько разговоров и суеты. Мертвое село!.. А в голове одно: «Господи! Пожалей свиноматку! Мне ни черта не сделается! Не загуби животную!».

Слышим, самолет гудит — гу-угу-у!.. Это он облет делает над тем местом, где бросить. Высоту набирает, целится. Летчик до этого асбестовыми бомбами швырял — примерялся в круг, чтоб атомной наверняка попасть. Как там, думаю, Маришка с внучкой?! Их бы не повредило!.. Слышим, в рельсу — звяк, звяк, звяк — д-динь! Затаились... И тут кэ-эк блескнет! Кэ-эк сверкнет!.. Кэ-э-эк шархнет!.. Земля туда-сюда подалась и заходила. И вон-вон косматый клубящийся гриб. Ураган и — дышать нечем. Жара-жара!.. Пыль-пыль!.. Мы и глаза зажмурили, как нам велели. Помирать или слепым сделаться кому охота на своем подворье? Снова жара припала! И смех, и грех. Сосед Иван Гаврилович вдруг спрашивает: «Васяка, а Васяка?» — «Чего тебе?» — «Пятки у тебя жгеть?»

Он вездеходы-сандалии сбросил и лежит, задрал ноги. «Нет, — говорю, — пяткам моим ничего не сделается, потому как они зашкammelные. По гвоздям, стеклу могу запросто ходить. А вот свиноматку мою как бы не зажарило». А по селу — пыль-пыль... Кинулся я к домику — стоит. Глянул на крышу — цела проклятая! Ее и атом не взял. Ураган проскочил сквозь щели и не снес эту труху-заразу. Ах, короста дырявая! Ах, счастье косокрылое: мимо пролетело! Я — в сарайчик! Слышу испуганное «хрю-хрю». Жива, родимая! Дай я тебя в грязный пятак расцелую! А матка забилась в угол и рылом туда-сюда водит. Испугалась, значит, и утробно хрюкает. А мне ее хрюканье — лучше всякой музыки...

Взошел на крылечко, заглянул в избу — все вверх дном! Перегородку вышибло из пазов и бросило на середину. Стол, табуретки, скамьи выскочили и перевернулись... Не больно беда — не господская мебель. И — только пыль-пыль... Мелкая-мелкая!.. На зубах не скрипит, а словно паутиной обволакивает. Дышать нечем!.. Одним словом, понюхали атом! Но... живы! О «радивации», о «грязи» мы понятия не имели. Да и никто об этом не знал. Я так думаю: бабахнула бомбочка в 350—400 метрах от земли. Разметала некоторые избенки ближайших деревень, крыши снесла, стекла выбила, лес, как спички, перелома-

ла, ослепила, ожгла животных и... все. Говорят, волки слепые потом шастали по степи долго. Кто его знает, может, так и было... Но шарахнула изрядно! Военные головами качали: не ожидали они, как сыграла их бомбочка. Расчеты опрокинула (такие ходили слухи). Ну, и учение началось! Как обычно. Полетели самолеты, забухала артиллерия, полезли, лязгая гусеницами, танки. Солдаты заорали: «У-р-р-ра»! Но это там, на полигоне. Учения были большие. Читал я, будто мериканцы хотели нас прихлопнуть. Неожиданно накрыть атомными бомбами. Сбросить триста атомных бомб на сто наших городов и уничтожить шестьдесят пять миллионов человек. Вот и наши готовились в отместку ударить по американцам. Видишь, как оно — око за око и зуб за зуб! Дико и глупо! А не нашлось ни у нас, ни у них ни одной умной головы, чтобы сказать: давайте бросим атомное оружие к едрене фене и побратаемся. Зачем гибнуть всем?! От этих «грибов» много гробов! Мериканцы тоже не о двух головах. Об одной думать надо!..

Много после испытаний атомной погибло односельчан. Немало похоронил их дед, но, видать, таков уж характер русский — отходчивый, даже тяжкие воспоминания окрашиваются юмором. В память о деде Васяке, крепком, неунывающем крестьянине, которого ни голод, ни войны, ни даже злой атом не сломил, я и записал этот его рассказ...

ТОРЕРО

Праздник «Проводы зимы» выплеснулся на сельскую улицу, словно раздвинул ее, сделал просторнее, а небо — выше. Из конца в конец села Новоселково пронеслись тройки с бубенцами. Ленты в гривах вспыхивали молниями. Кони храпели от возбуждения, диковато косили глаза и кособочили шеи.

Но в воздухе трепетало нетерпеливое ожидание — скоро главный выход. Коронный номер Фролова...

Случилось однажды, потехи ради, вывел скотник Фролов на площадь сельских бугаев на смотрины, и стало это сенсацией. А теперь праздник — не праздник, если не будет выхода местного «тореро» со своими питомцами.

В последний раз с гиканьем пронеслись конники, и улица опустела.

— Тореро, тореро! — завопили мальчишки, вспорхнули с сарней и крупинками к магниту стрельнули в толпу. По дороге мерным шагом ступал Дмитрий Васильевич Фролов. Справа и слева от него, чуть позади, так же мерно, твердо, прессуя рыхлый снег, вышагивали быки — Буян и Голубь. Быки, казалось, понимали ответственность и важничали. Шли гордо, неприступно, любуясь исключительностью.

Загомонила, загудела толпа. Возгласы одобрения, восхищения и скрытого страха слышались со всех сторон. Бабы хватили детей за ручонки и притягивали к себе: вон какие бугаи, того и гляди...

Толпа гудела, качалась. Беспokoйство людей передавалось животным и достигло предела. Буян вдруг сапнул и остановился, как льдина, внезапно ударившись о выступ.

— Но-но, ты! — негромко крикнул Фролов. Буян — ни с места. Серdito мыкнул и начал яростно швырять спрессованный снег клешнятыми копытами. Ошметки долетали до людей, и они подались назад.

— Гля-ка, что бугаина вытворяет, — не выдержала Клавка Прокудина. — Того и гляди на народ кинется. Вон глазища кровью налились.

— Не бойсь, Клавка. Он симпатичных женщин уважает. А ты краля первый сорт! Таких Буян не трогает, — хохотнул Федька Соловей.

С утра Фролову было не по себе. Ныли раны, особенно в правом паху. Нога волочилась, отказывалась служить.

— Как же я с такой ногой?.. — пожаловался Варваре.

Она:

— Не ходил бы сегодня, Митя. Нездоровый ты. Лицо землистое. Без тебя обойдутся. Молодчик, что ли? На каждый праздник людей тешить!.. Цирк, что ли? Что-то не больно охотников на эту страсть. Сам говорил: «С Буяном — война»... Брось работу! А сегодня не ходи!.. Глаза нехорошие и руки дрожат, не ходи!

— Ладно. Где сапоги? Что ж ты не смазала загодя?

— Не ходи ради Бога! Ай тридцать годков молодцу? Вон седой весь...

— Пойти я пойду. Это долг понимаешь? Перед теми ребятами! Тянет меня к ним! Чтоб я струсил? Никогда! Праздник нельзя ломать. На народе, гляди, легче станет.

Вышел, сутулясь.

— Тореро! — крикнул черноглазый мальчуган и спрятался за мать. Та заслонила мальчика собой.

Сновали люди, мелькали испуганные лица, скакали мысли. Фролов вдруг вспомнил: где-то тут Ульяна?.. Не разглядишь в этой суетлоке. Знать бы, что видит. И для нее — мой выход!

«Где эти темные ночи? Где это пел соловей?..» — вспомнилась далекая юность. Вспомнилась песня, которую певали вместе. Спеть бы напоследок. Как прежде!

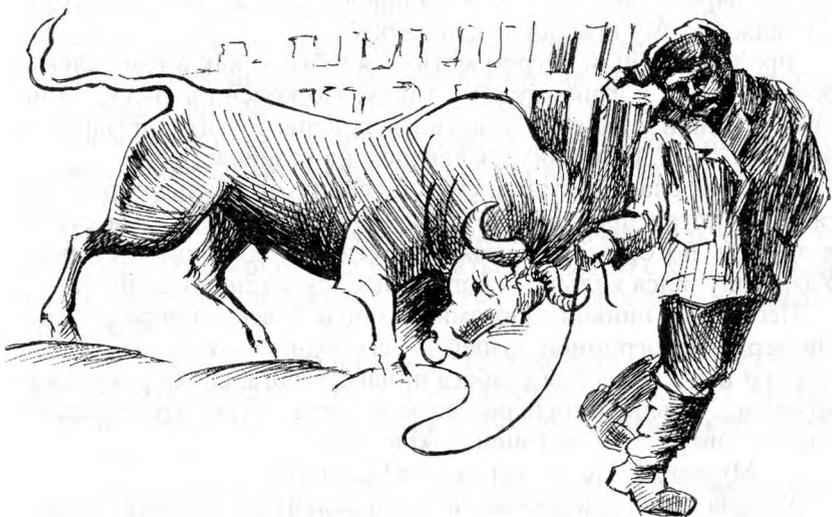
Нет голоса, нет Ульяны, нет песни!

Да вот она! Все такая же красавица!.. Разрумянилась у печи. Эх, Ульяна! Где наша молодость? Где наши песни? Разлучила война, покалечила счастье!.. А как певали!..

Востроглазый дед Мишака разглядел:

— Что-то ноне Митрий сумной. Ай заболел?.. Опять, видно, раны взвыли. Не тот Митрий, не тот...

Ульяна давно не видела Фролова и от страха качнулась: как изменился, как сдал Дмитрий за малое время! Лицо осунулось, заострилось. Глаза помертвели, взгляд будто из иного мира.

Не шагает, а загребает ногами. В каждом шаге непомерная тяжесть, безразличие, покорная безнадежность.

Вот и площадь. Главное представление — здесь.

Хозяин снял перчатки, положил их в карман. Накинул цепь на сук тополя и отошел. Буян немного успокоился. А хозяин попросил сделать шире круг и стал показывать свой «номер» с Голубем. С ним начинал он всегда.

Дошла очередь до Буяна. Он терпеливо снес выходки хозяйна. Хотя под брюхом пролезть у него Фролов не решился. И правильно сделал! Буян не позволил бы этого.

Представление заканчивалось, как вдруг из толпы вынырнул Федька Соловей, шмыгнул мимо и сунул в ухо Буяна зажженную самокрутку! Тот крутнул головой и угрожающе мыкнул. Коротким ударом опрокинул хозяина и бросился на толпу. Люди шарахнулись в стороны, образуя коридор. Худенькая девчушка, дочь Федьки, замельтешила в этом коридоре. Закричала, как раненый зайчонок, отрывисто всхлипывая: «Ма-а-ма! Ма-а-ма!». Увязая в рыхлом снегу в материнских резиновых сапогах, отчего ножонки казались спичечными и вот-вот готовы были переломиться, она обезумела от страха и неслась мимо людей. В красном пальтишке и красенькой шапочке Оля затрепыхалась красным язычком на белом снегу. Этот «язычок» еще бо-

лее разъярил быка. Буян увидел нового «врага». Вот он догонит и поддаст этому красному человечку!..

Фролов раненым тигром метнулся к быку, как в том далеком бою из окопа к фашистскому танку. По колено в снегу, он настиг Буяна и в падении ухватился за цепь. У того в ноздрях — огонь от боли, и он ринулся тараном на хозяина...

Фролова спас огромный сугроб сдвинутого бульдозером снега. Бык хотел пронзить хозяина, но с ходу врезался в сугроб и застрял по брюхо. А хозяин крутнулся волчком в сторону. Удар получился вялым — рога только скользнули по шубе.

Несколько пинков сапогами по морде совсем озверили быка. Он дернулся огромной тушей и освободился от плена. Сделал два-три шага назад для разбега и, нагнув рога, снова ринулся на хозяина... Ульяна, забыв обо всем на свете, о том, что станет говорить завтра село, истошно закричала:

— Мужики! Что же вы стоите? Спасите!

Ульяна не успела добежать. Буян скакнул в сторону от удара сапогом по носу. Взбрыкнул, освобождаясь от боли, мыкнул для устрашения и ринулся на Ульяну. В этот миг Фролов наконец успел сбросить полушубок, из последних сил достал в прыжке Буяна и накинул на его острые рога. Навалился на них всем телом, закрывая быку видимость...

Неизвестно, чем бы закончился этот неравный бой...

Второй бык — Голубь, — безразлично, казалось бы, взиравший на необычный поединок, вдруг затрясся всем телом, из всех сил дернулся, обломил толстый сук, сорвав цепь, размашисто подскочил к Буяну и резко, снизу, саданул его в бок. Тот завалился в снег и вдруг жалобно, по-телячьи замычал от боли. Фролов крепко держал его за цепь. Власть снова была у хозяина.

— Тореро победил! Тореро! — зовопили мальчишки, подбрасывая вверх шапки.

Ночью не спалось. Накинул полушубок, вышел посмотреть на быков.

В сарае, где стояли быки, было темно. Зажег «летучую мышь», огляделся. Быки мирно пережевывали жвачку.

Фролов подсыпал комбикорма. Постоял. Достал пачку «Беломора». Из кармана полушубка выпали перчатки. Буян тут же уловил запах нафталина и затанцевал на дощатом полу.

— Что это он? Опять будоражит? Стоять, агрессор! В станок!

Обожгла обида за испорченный праздник. К горлу подкатила тошнота. Едва справился с приступом рвоты. Глянул на часы —

фронтальной подарком командира — половина четвертого. Стрелки фосфоресцировали, секундная нервно вздрагивала.

И вдруг боковым зрением поймал взгляд Буяна. Тот перестал отрыгивать жвачку и следил за каждым движением хозяина. Бык насторожился и напрягся, как стальной трос. Миг — и со звоном лопнет! Буян видел, что хозяин вял и слаб, и наполнился гневной решимостью. Настал его час!..

Он изо всех сил дернулся огромной, почти трехтонной тушей — ржавый крюк стал разгибаться, а потом с хрустом вылетел из простенка и звякнул о настил... Фролов застыл с поднятой рукой.

— Га-а-а... и — только успел отскочить в угол сеника. Дверь загораживал Буян... Третий удар пригвоздил хозяина к стене. Рога-штыки мягко, как в буханку деревенского хлеба, вонзились в тело...

Голубь тоскливо замычал, загремел цепью, норовя освободиться от привязи, шумно задышал, раздувая бока. Время от времени он вздрагивал и сотрясался всем торсом.

А Буян, опьяневший от лютой ненависти и запаха крови, бил и бил рогами мертвое тело. Ненависть порождает ненависть. Мечь взывает к отмщению. Боль возвращается болью... Расплата всегда чудовищна!

Для Буяна не было хозяина! Он запомнил только удары цепью и глаза, полыхающие ненавистью к нему. Не мог знать, что хозяин радовался, гордился красавцами быками! Как он холил их, мыл копыта, чистил скребницей и веником бока и спины.

Мужики галдели, давали друг другу советы, но подойти к карде близко боялись.

... А в сеннике, в углу, билась головой и голосила над мертвым Варвара.

— Ой да посмотрите, люди добрые, на страсть на великую!.. Ох да говорила я ему и упрашивала, чтобы бросил быков он окаянных. Не послушал ты совета мово доброго, не сберег свою буйную головушку! Одолели тебя звери лютые!.. И на кого же ты покинул нас, сокол ясный? Нет ни батюшки, нет ни матушки... И осиротил ты деток своих родненьких. Кто взрастит их, кто поможет встать на ноги? И кому приклоним мы свои головушки?!..

Люди стояли молча, виновато пряча взгляды: пусть, дескать, выкричится, теперь ей до конца дней своих плакать.

Прокудина Клавдия размашисто перекрестилась и тихо опустилась на колени рядом...

Я СЕГОДНЯ ВЫХОДНАЯ...

— Клавка, Клавка, на кого ты похожа?.. Кожа да кости. Одна арматура осталась, — запричитала Мария.

— Ну и что? Хочешь знать — мне так ловчее с делами управляться! Ты вон раз нагнешься — задохнешься. А я — фьють! Ветер!

— Ветер у тебя в голове. Слушай, что сестра говорит. Себя не жалеешь! Своих забот не прогresti, на ферме дел невпроворот — она внуков собрала. На все лето ярмо! Опомнись. Прочернела вся. От тебя ток в разные стороны! Кофтенку снимала — искры сыпались...

— Ха-ха-ха! — рассмеялась Клавдия. — Искры... Заискришь! Да ведь это синтетика. Ха-ха-ха!

Клавдия подтянула поясок, поправила седеющие волосы, глянула на себя в зеркальце и прикусила губу.

На нее уставились жгуче-черные треугольники. Старуха — не старуха, а «святая» с бабкиной иконы.

— Матерь божья! — вырвалось у Клавдии. — Давно на себя не глядела...

И уж шепотом, с ожесточением выдохнула:

— Все равно не поддамся! Одна справлюсь!

Это прозвучало как заклятие, и адресовалось оно бывшему мужу, Николаю Ремневу, бросившему семью. Пил-гулял Колька Ремнев. Уходил, приходил, а потом окончательно переселился на «довольствие» Нинки Тумбы, продавщицы магазина. Не удержали его и четыре взрослые дочери.

Старшая сестра Клавдии, Мария, жила в городе одиноко. Своей семьи не получилось. Много лет проработала на стройке. Заработала квартиру, хорошую пенсию, ушла на отдых и только хватилась, жизнь-то минула!.. Тут еще прилепилась к ней болезнь — астма.

Семейные неурядицы Клавдии приняла к сердцу старшая сестра. Часто приезжала в родную Ермаковку, помогала чем могла.

— Ох, Клавка, умру я, на кого тебе опереться?

— Некогда умирать, сестра! Дела еще надо порастолкать. Вон их скоко! А внуки? Нечего об этом думать. Живые — о живом. И вообще! Не люблю я эти ахи-охи. Да если мне охать — раз сто бы померла. А я — вот она. Ни голыми, ни с косой не возьмешь! Жить надо, Мань, а не переживать...

— Ладно, ладно! — вяло махнула рукой Мария. — Резвая больно! Размахалась! Поживи, поработай, как я...

— Хо-хо-хо! — зло рассмеялась Клавдия, — а мы тут курортничаем?

Она вскочила, быстро прошла из угла в угол, хотела еще сказать злое, но сдержалась, горько рубанула воздух рукой.

Мария прижалась холодным потным лбом к пылающей щеке Клавдии.

— Прости, родная!

— Э-э-э! Чего уж там!

Мария хотела как-то задобрить сестру.

— Когда Шурочка, племянница моя любимая, явится? Я ей халатик, туфельки, платье модное привезла...

— Ой, ладно баловать! Пусть сама заработает. Беречь лучше, носить дольше будет. А придет завтра к вечеру. Еще двух внуков подбросит мне от Валентины. Она с мужем в море собралась купаться, соли какие-то из себя выгонять. Приедут двое и будет у меня полный сбор...

Мария не сдержалась, вздохнула и горестно пошутила:

— Давай-давай! Готовь вывеску: «Детдом Клавки Парфеновой». Детки не укатали, внуки докатают... А родители по морям, по санаториям. А на ферме кто? А домашность?!

— Ничего! У меня все по графику! Шурка с детворой делами управляет по дому будет, а я на ферме. Ребятки смирные, работающие, каждый свою функцию знает. Так что ли, по-городскому?

Клавдия рассмеялась.

— Вот сама увидишь. Зато вечером как соберутся — телевизора не надо! Домашний спектакль. И смех, и грех! Это время у нас золотое, веселое. Весь год вспоминаю. Четыре месяца, с мая по сентябрь, у нас фестиваль или как там?..

Клавдия счастливо улыбалась. Лицо помолодело, посветлело, спрятались морщинки. В глазах — радость, гордость.

— Ох и заболталась же я. А дела-то в очередь выстроились, толкаются. Вот, Мань, тебя встретила, как могла приветила, а теперь по делам побежала. Спасибо за гостинцы. Моей гвардии надолго хватит.

Вся ее «гвардия» из восьми человек была спаяна дисциплиной и послушанием. Внуки крепко помнили бабанины уроки бережливости. Ни одного брошенного кусочка хлеба, ни одной порванной рубашонки.

— У строгой наседки все целы детки! — между тем продолжала говорить Клавдия. — Я кое-когда строга — знаю. Зато моим внучкам наука. Кричат: трудные дети, неуправимые! Не можешь править — не родитель ты!

— Ой-е-е-ей! — вскочила вдруг она. — А ведь мне на дойку пора. Своих коров доить.

Клавдия заметалась по двору, хватаясь за ведра, коромысло, скатывая марлю, которой закрывала молоко от мух и пыли.

— Дом не велик, а сидеть не велит. Две коровки, два телка, два поросенка, полуторник... Куры, гуси, утки!.. Э-э!.. Что там? Не знаешь, что ли?! Выросла в селе. Тогда бедно жили — теперь богато.

— Управляйся тут без меня. В общем так: жара припнет — теляток в сарайчик. Напоить не забудь! Кабанчикам через часок-два ведро мешанки с картошкой дашь. В сенях в углу, увидишь. Сейчас они при-молкли, а потом запоют — со двора убежишь. Гусыню в чулане поглядывай! Поздншей надумала выводить. Сгодятся. К ноябрьским как раз подрастут.

— Про внуков... Как проснутся, пусть умоются. Хлеб белый в ларчике. Кастрюля с кашей на плите. Молоко. Утрешник — чистые сливки! Пусть пьют. Если долго не приду — обедайте без меня. Славика за хлебом пошли. Ну, кажется, все. Вот еще что: сено это перевероршите и перекидайте на сеновал. Славик знает. Дима с Колей помогут. Это их дело. Светка чтоб в избе убрала, посуду перемыла. Полы два раза пусть протрет, прохладней будет. Не забудет и рубашонки простирнуть. Она у меня ловченная! Вот что, Мань, сама ты ничего не делай. Эту всю обедню у меня внуки справляют. А ты в холодке посиди. Сходи в огород, подыши там вольным воздухом. Вспомнила! Картошку-то надо прополоть. Окучивать не надо. Из кустов сорняк повыдергать и междурядье мотыгами протяпать... Отдыхай, Мань! Сходи-сходи в огород, там парикмахерской пахнет. День-то ноне разгулялся! Голубой день, цветастый! Я седни выходная. Делать ничего не будем. Могу я один день в году не работать? С сестрой побыть имею право? Вот коров подою, молоко на пункт снесу — и к тебе. Наговоримся вволю. Я уж полтораста литров отнесла. Отоварить обещали. У Валентины квартира новая, а голая...

— Все! Я покатилась. Одним ментом! Завтра мы всей гвардией на грядки свеклы. От колхоза норму дали, каждый год мы в передовиках! Все-все. Закружилась, заговорилась...

Клавдия договаривала это на ходу, придерживая коромысло и ведра. Новое платье ей было широко. Оно завивалось, мешало быстро идти.

— Отдыхай, сестра! Не гляди на меня, что я косо повязана. Вишь, как платье на мне ловко сидит.

— Донесешь молоко-то? Далекое ведь?

— Не-ет! Тут рядом, километров двух не будет. Да я ж на коромысле, не на себе. Обещали фляги подвезить к дойке, да ведь трех лет не прошло. Я-а-а улетела!

Белый платочек Клавдии запрыгал над подсолнухами и кукурузой. Высоко в небе кругами планировали коршуны. Мария тяжело встала с крылечка, медленно прошла в избу. В затененной спальне на малых и больших кроватках, разметавшись, спали загорелые ребятишки. Они дружно сопели, сладко потмокивали, похрапывали и посвистывали облупившимися курносыми носишками. Мария несколько минут счастливо улыбалась, глядя на это спящее царство. Подошла, поправила одеяла, повыше на подушку уложила меньшего Валерку, подставила стул, чтобы уберечь от «полета».

— Пусть поспят! А с делами я и сама управлюсь.

За привычными хлопотами не заметила, как пролетело время. И хворь как-то забылась. Глянула на часы и ахнула: половина двенадцатого! Она проглядела, как первым проснулся Валерка, сполз вместе с подушкой на пол и прошлепал полными ножками в летнюю кухню, где текали его любимцы — цыплята. И сразу принялся за дело. Отгоняя насадку прутиком, он начал ловить цыплят. Крепко зажимая в кулачке пушистый комочек, он окунал его с головой в кадку с водой — поил. Ловил второго, третьего и так же усердно поил. Потом, держа за крылышки, полоскал цыплят в воде — купал, приговаривая:

— Напился, искупался, замелз? Тепель поглейся, пошушишься.

Вечером долго обсуждали это событие. Смеялись над детской несмышленостью. Вспоминали свое детство. Валерка отстоял в углу, отревел за подзатыльник, полученный от брата Славки.

А в остальном «гвардия» постаралась вовсю: грядки и рядки были прополоты, белье постирано и трепетало на ветру, вода наношена, баня натоплена, скотина и птица накормлены.

А ночью Клавдия и Мария долго не засыпали, все шушукались.

— Мань, я ведь если разобраться, и есть счастливая. Все в доме есть, дочерей вырастила, на ноги поставила. Теперь вон скоко внуков и одна внучка! Богато живу, правда! По секрету тебе: я уж Светланке приданое потихоньку готовлю. Мать-то и не знает. Учиться бы Светке надо, да кто его знает. И Славик через леток пять — парень хоть куда. Да и остальной горох не плох... Наше материнское счастье — в детях да внуках. Подумаю, прикину: а скоко таких, как я!..

Помолчали.

— Все бы хорошо — мотор глохнет.

— Какой еще мотор?

— Ну, сердце...

— Горючее, видно, кончается, — грустно усмехнулась Мария. — И я говорю: поберегись, не томайсь. На одном нерве висишь...

А горючее — наша работа да забота. Этого добра скоко угодно — успевай заправляйся! Вот если бы «мотор» заменить да годков пятнадцать поубавить — ох и дел бы я наворочала! Конечно, промашки кой-какие я бы учла. Ну, ладно! Давай спи! Седни я была выходная, а завтра на работу! Спи!..

СОДЕРЖАНИЕ

Найти тропинку к родникам	3
Здравствуй, бор! Волшебник, друг сердечный!	
Бузулукский бор (поэма)	7
Россия полевая	13
Оренбуржье — славный край	14
А. С. Пушкин в Оренбуржье	
В судьбе народа — судьба поэта	17
Болдинская осень	19
«Весны недуг...»	20
Стихи и песни нашей юности	
Эх, Татьяна!	23
Девочке Наде, игравшей на скрипке музыку Вивальди в весеннем саду	25
Королева-каравелла	28
Гавайская гитара	29
Город юности, мой Бузулук	31
Бузулукская серенада	32
Бузулукская мадонна	33
Медсестра Наташа	34
Вальс нашей юности	35
Песня о Бузулукском боре	36
Скажите, воды вешние	38
Лирика природы	
Бодрит перо осенний хлад	41
Закружила волшебная осень	42
Зимняя картинка	43
Мисс «Ледяная королева»	44
Когда в душе лишь пепел серый	47
Гроза над бором	48
И вновь война...	50
Этот день мы приближали как могли	
Войны кровавый след	53
Мать	54
Пианисту-фронтовику	57
Солнечное танго	58

Миражи	59
Под куполом крыши	60
Ожидание славянки	62
Старый рояль	63
Дамский выстрел	64
Молитва и красота спасут мир	66

Пусть стороной проходят грозы...

Баллада о плачущих иконах	69
Лад	71
Помешанная	72
Крест	74
Гаврош	75
Суховой	77
Тополь и белая сирень	78
Быль, ставшая болью	80
От «совка» до «челнока»	82
Женские руки	86

Обмакни перо в цветень-радугу...

Поэту	89
Начистоту	90
Мое рождение	92
Ностальгия, рождающая воспоминания	94
Тень на плетень (шутка)	95
Моя муза	97
Сила слова	98
Ко дню рождения С. Есенина	99
«В кипящей золотой метели...»	101
Баллада о друге-афганце	102

И памятник вечный отлили...

Жизнь и творчество Владимира Высоцкого.	105
Возвращение Владимира Высоцкого (поэма)	106
Воронцовская быль.	137
Плач гитары Владимира Высоцкого.	140
Баллада о Владимире Высоцком.	142
К открытию памятника В. Высоцкому и мемориальной доски А. Фатьянову в Москве.	147

Береза — русская княгиня

Лето.	151
Осень.	152

Рябины.	153
Поэту.	154
Мне снятся.	155
Роза (шутка).	156
Песня юных музыкантов.	157
Вальс выпускников.	158
В березовой аллее...	160
Береза — русская княгиня.	161
Снегири.	163
Смех.	164
Апрельские березы.	166

Мы пылали, как угли...

Исповедальное.	169
Памятник.	172
Дачный марафон.	174
Где ты, птаха звонкая?	183
Мой край.	184
Баллада о дефиците.	185
Исповедь ветерана.	187
Мы встретились снова...	189
Пасечник Федот и мы.	190
Весна.	192

Романсы, песни

Ну, целуй меня...	195
Не осуждай.	196
Романс о романсе.	197
Прости.	199
Не грусти.	200
Цыганские напевы.	201
«Я помню вальса звук прелестный»...	202
Возьму гитару в трудный час.	204

Бузулукская ярмарка 207

Рассказы

Будет хлеб — будет и песня!	213
Колоски (быль).	219
Испытание атомом.	228
Тореро.	233
Я сегодня выходная...	238

В. Н. Филатов
РОДНИКИ

Художник **В. С. Татаров**
Фото **А. С. Сухорукова**
Художник-дизайнер **В. А. Кузьмиченко**
Корректор **Е. Н. Кубарева**

2001 г. ГУП «Бузулукская типография».
Заказ № 1079. Тираж 800. П. л. 15,5.
Лицензия ЛР № 066602 от 19.05.1999 г.

